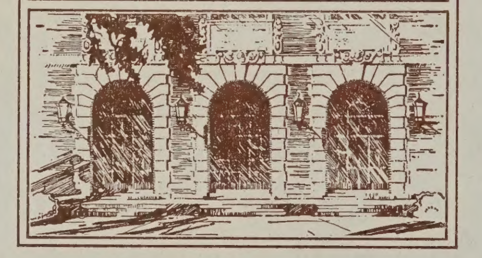

Десятилѣтіе
ресторана „Вѣна.“
Литературно-художественный сборникъ.

КЛИШЕ ИЗГОТОВЛЕНЫ
ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ФОТО-ЦИНКОГРАФІИ
С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКАГО и К°.

ТЕКСТЪ НАПЕЧАТАНЪ
ВЪ ТИПО-ЛИТОГРАФІИ „ЯКОРЬ".

ОБЛОЖКА НАПЕЧАТАНА
ВЪ ТИПОГРАФІИ
С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКАГО и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Десятилѣтіе

ресторана „Вѣна."

Литературно-художественный сборникъ.

И. Соколовъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нельзя отрицать, что въ теченіе минувшаго десятилѣтія „ВѢНА“ сыграла большую роль въ жизни петербургскаго литератора... Трудно, даже почти невозможно описать всѣ разговоры, остроты, веселые и грустные инциденты, свидѣтельницами которыхъ были стѣны „ВѢНЫ“.

Нельзя также отрицать, что въ „ВѢНУ“ литераторы заходили не только выпить, но больше повидаться другъ съ другомъ и подѣлиться впечатлѣніями дня...

А публика была рада случаю поглядѣть на своихъ любимцевъ. И хотѣлось бы хоть отчасти нарисовать эти дни и вечера, сдѣлать хоть краткія характеристики бывавшихъ здѣсь незаурядныхъ людей.

Вотъ единственная цѣль этой книги.

Писатель, какъ личность, какъ дѣятель, всюду и вездѣ интересенъ, и пусть умолкнутъ тѣ, кто захочетъ видѣть въ этой книжкѣ какую-либо рекламу.

Этими страницами „ВѢНА“ хочетъ сказать только спасибо своимъ десятилѣтнимъ посѣтителямъ, жизнью и творчествомъ которыхъ интересуется вся Россія.

Съ рисунка академика В. И. Зарубина. „ВѢНА“.

ОДИНОЧЕСТВО.

...Тамъ за границей, этого нѣтъ...

Не пойдешь въ осеннюю непогодь, въ зимнюю стужу искать себѣ „пристанища“, не будешь цѣлыми вечерами искать знакомой близкой души; не плюхнешься гдѣ нибудь въ первомъ встрѣчномъ „заведеніи“, чтобы среди сотни головъ остаться такимъ-же одинокимъ, какъ и на улицѣ, и въ своемъ кабинетѣ, и за работой въ конторѣ.

...Тамъ, за границей, этого нѣтъ... Нѣтъ нашего гнетущаго одиночества, нашей русской печали, нашего вѣковѣчнаго надрыва, душевныхъ мукъ и безпочвеннаго томленія; тамъ нѣтъ мѣста тихой печали, задумчивой грусти и мечтательнымъ порывамъ; тамъ не съ чего томиться странной нелѣпой неудовлетворенностью, жаждой подвига, мечтой о туманныхъ даляхъ, яркихъ порывахъ, о красотѣ и свободѣ...

А у насъ?.. Творчество у насъ надрывное, нутряное... Не забава—литература, а школа, кафедра, и никогда еще она не опускалась до роли увеселителя, до роли „сладкаго лимонада лѣтомъ"... Никогда!..

Въ холодныхъ мансардахъ Петербургской стороны, въ трущобахъ Прѣсни, въ уютныхъ кабинетахъ Сергіевской, въ мѣщанскихъ горницахъ Тулъ, Сенгилеевъ и Астраханей живутъ какіе то странные люди. Не торгуютъ, не служатъ, не начальствуютъ, ведутъ полуголодное необезпеченное существованіе. Нервны они, горячи, фантазеры, съ горящимъ, воспаленнымъ взоромъ, небрежно одѣты, нечесаны, а изъ ихъ обиталищъ сіяетъ свѣтъ на всю Россію.

Читатель не оцѣнитъ, критика „обложитъ", зависть доѣстъ,—или вдругъ радость вползетъ въ мансарду, счастье солнышкомъ озаритъ убогое логово,—некуда итти русскому писателю.

Бываютъ моменты, что словно въ казематѣ таракану радъ,—съ тараканомъ часами разговариваешь... А итти некуда!..

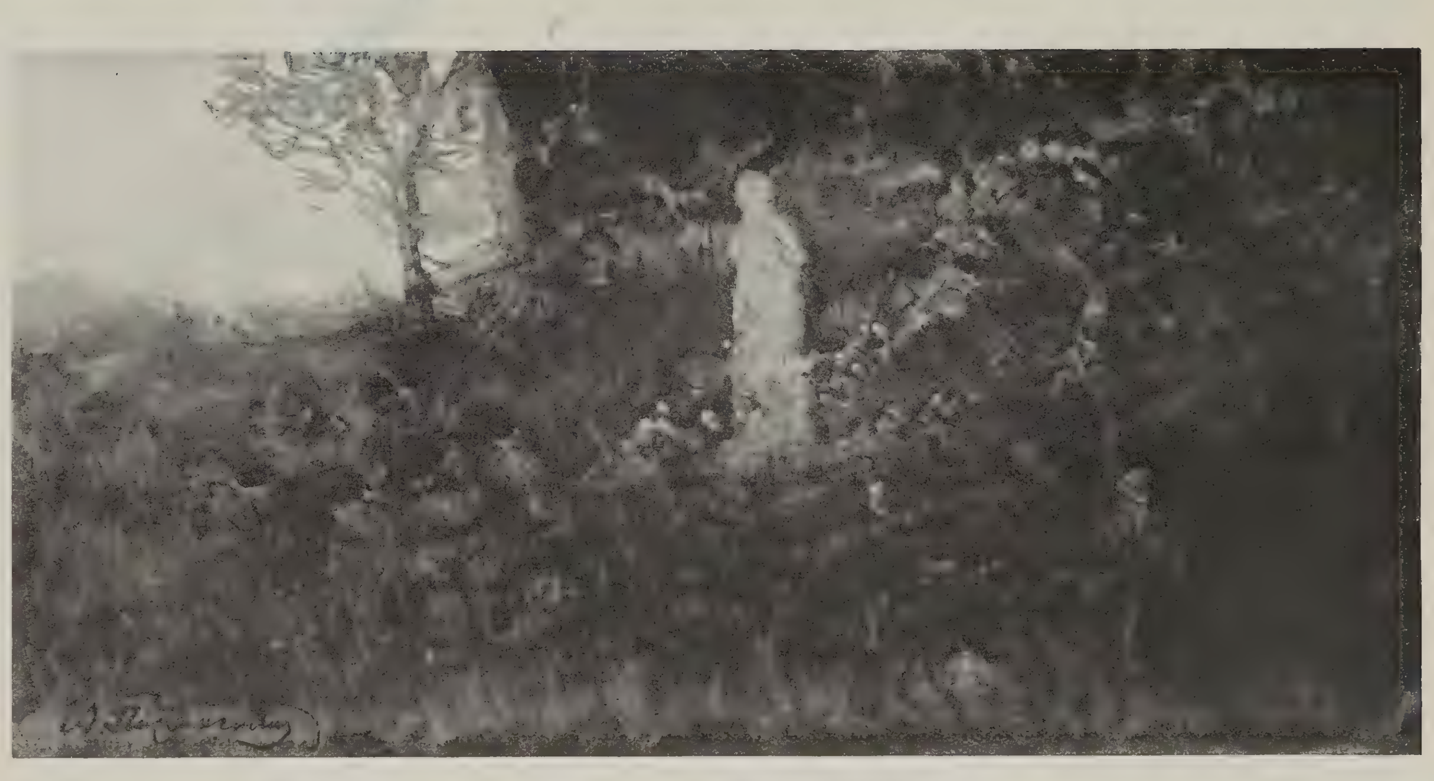
Литератору съ литераторомъ встрѣтиться, по душамъ поговорить, мыслями подѣлиться, никакъ невозможно, негдѣ и какъ-то не соберешься... Да еще дома не застанешь, или самъ въ такомъ подломъ настроеніи, что на Волковомъ много будетъ веселѣе.

Слишкомъ много въ душѣ скорби за неустройство, за горе ближняго и дальняго, слишкомъ велико несоотвѣтствіе между грезами и трезвой дѣйствительностью, чтобы можно было остаться одному и не потерять духа отъ безплодности усилій.

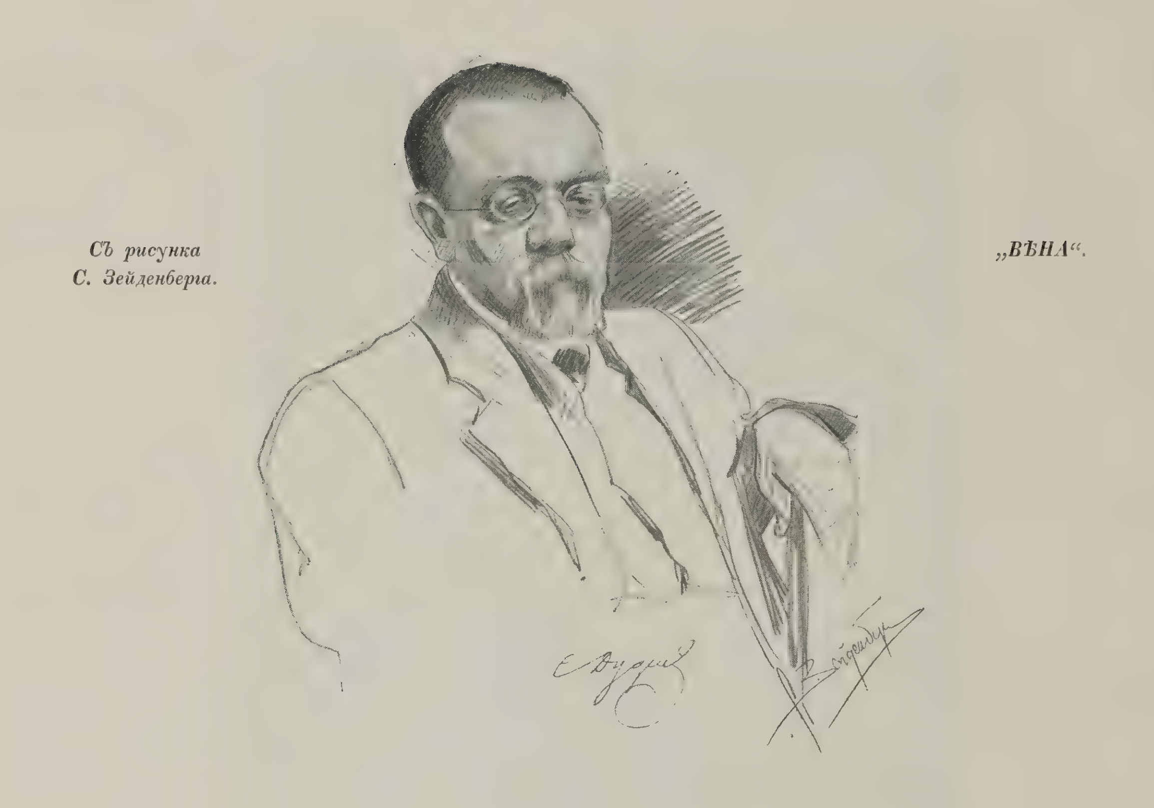
И не виноватъ онъ, если тянетъ его въ свѣтлую, уютную „Вѣну", гдѣ не отравятъ, гдѣ можно отдохнуть, на людей поглядѣть, и другъ съ другомъ встрѣтиться.

Еще и сейчасъ указываютъ на ресторанчикъ „Прадеръ" на Вознесенскомъ, куда любилъ ходить Достоевскій. Минаевъ ходилъ въ „Ярославль", на Лиговкѣ, Некрасовъ часами просиживалъ въ первые годы своей дѣятельности въ ресторанѣ на Разъѣзжей...

Но это посѣщеніе русскими литераторами трактирчиковъ средней и „повыше" руки не объединяло писателей. Былъ у каждаго свой любимый трактиръ, туда онъ и ходилъ. Являлась потомъ пара пріятелей,—тѣмъ дѣло и кончалось. И нравы тогда были другіе,—въ то славное, доброе старое время, и жизнь была другая, и литература какъ будто другая; лучше или хуже,—дѣло критики и исторіи русской литературы и русской богемы.

Съ акварели А. А. Писемскаго. „ВѢНА“.

Съ рисунка С. Зейденберга.

„ВѢНА“.

Говорятъ, что лучше все было. Пили, правда, ничуть не меньше, и „инциденты“ выходили не такъ уже рѣдко, но писали чуточку повнимательнѣе и, если угодно, поскучнѣе теперешняго...

А жизнь не стоитъ ни на одну минуту, летитъ, мчится,—и теперь старый Григоровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ бы кругомъ:

— Какъ измельчала литература!..

Не литература измельчала, а жизнь стала другая,—а отъ нея и остальное все другое. Никогда литература не достигала той красочности, какъ теперь, никогда искусство не дѣлало такихъ широкихъ шаговъ, какъ за одно это десятилѣтіе.

Но... завелся телефонъ, безпроволочный телеграфъ, появились тучи газетъ, желѣзная дорога дошла до стараго милаго Тамбова, сама жизнь такъ осложнилась, что она теперь и немыслима, та литература Григоровича, Писемскаго и Тургенева.

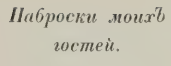
Теперь въ одинъ часъ человѣкъ переживаетъ столько, на сколько прежнему требовались мѣсяцы, покуда тащишься на перекладныхъ изъ Москвы до Питера.

Съ рисунка I. Е. Крачковскаго. „ВѢНА“.

Наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Наброски моихъ гостей.

„ВѢНА“.

Каждый мигъ,—новое переживаніе, короткое, мимолетное, случайное. За нимъ другое, третье,—и все короткія-короткія... Раньше не было этого, въ милліонъ разъ было меньше впечатлѣній и настроеній, но каждое изъ нихъ было громадно, длительно, глубоко.

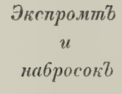
Такова вся литература до нашего дня, барская, мужицкая, полевая, лѣсная, степная...

И нечего ее винить.

Жизнь выбросила новыхъ литераторовъ съ новыми настроеніями, новыми взглядами, совершенно новымъ міросозерцаніемъ...

Фабрика, улица, кинематографъ, театръ, газета, „сандвичи“, свѣтящаяся реклама, телефонъ, радіотелеграфъ, трамвай—вотъ факторы литературнаго „упадка“.

Кипятиться, возмущаться, грозить—можно, но выгнать на улицу трамвай, телефонъ, ресторанъ изъ литературы—трудно и невозможно.

Экспромтъ
и
набросокъ

Гр. А. Н. Толстого.
„ВѢНА“.

На Кирпичномъ эдакій вотъ чортъ
милостыньку проситъ
— Что это ты, братецъ, говорю,
не одѣвши.
— Плохи наши дѣла не прикопитъ-ся.
Посмотрѣлъ я на него, дѣйствительно
вижу — чортъ — голый.. Пожалѣлъ я его,
далъ копеечку. А чортъ, по русскому
обычаю — чуръ по сосѣдству въ
„Вѣну". „Ахъ ты гадъ", думаю я про
него, а ноги сами туда-же пошли.
А мораль тутъ выведите каждый"

гр. Алексѣй Н. Толстой
19 22/II 11

Нужно только констатировать...

До 1905 года о русской богемѣ совсѣмъ не было слышно.

На Владимирскомъ проспектѣ существуетъ старинный небольшой ресторанъ. Вывѣска на немъ маленькая, подъѣзда никакого нѣтъ, на улицу всего три окна, завѣшанныхъ бѣлыми шторками,— въ глаза совсѣмъ не бросается и никого своимъ видомъ не соблазнитъ.

Испоконъ вѣковъ, благодаря центральному своему положенію, посѣщался онъ отдѣльными литераторами, прозвавшими его почему-то „Капернаумъ“. Захаживали туда Сергѣй Атава (Терпигоревъ), бывалъ

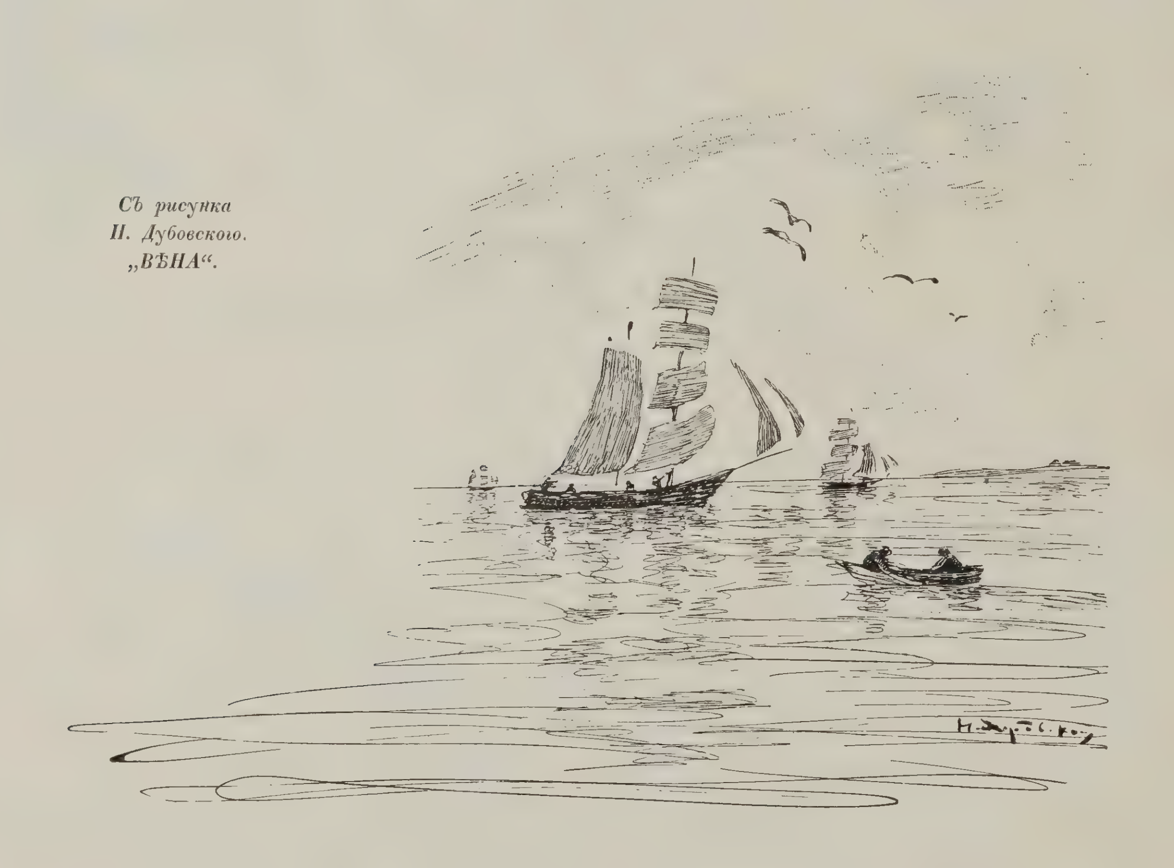
Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

частенько Ап. Майковъ, весьма часто сиживалъ тамъ за пивомъ Маминъ-Сибирякъ.

Писатели эти тогда считались уже не маленькими и потому „задавали тонъ“. Вслѣдъ за ними, конечно, устремились и dii minores, репортеры, и вообще „любители литературы“, ресторанчикъ прослылъ литературнымъ и началъ видѣть въ неказистыхъ аппартаментахъ своихъ довольно модное сборище.

Но затѣмъ писатели какъ-то перешли въ „Вѣну“, а у „Давыдки“ остались газетные репортеры, микроскопическіе поэтики и фельетонисты мелкой прессы.

Съ рисунка Н. Дубовского. „ВѢНА“.

Съ рисунка К. Горбатова. „ВѢНА“.

НАЧАЛО „ВѢНЫ“.

Говорятъ, что первый, положившій камень славы „Вѣны“, былъ В. А. Тихоновъ, ибо явился первымъ единственнымъ гостемъ изъ литературнаго міра. Однако его лавры яро оспаривалъ знаменитый разсказчикъ—артистъ Малаго театра Н. П. Мальскій. И тотъ и другой приглашали туда своихъ друзей и тамъ проводили свои досуги.

Въ „Вѣнѣ“ всегда была отличная кухня и чудесное, какое-то особенное пиво, которымъ равно наслаждались и любитель уюта, и случайный посѣтитель, никогда не разстающійся съ пальто и шапкой.

То было время затишья. Въ то время журналы были скучны, подцензурны, не было ни въ нихъ, ни въ ежедневной прессѣ, ни въ самой жизни ничего яркаго, свѣжаго, ново-оригинальнаго...

Потомъ пришла „весна“, и прогремѣлъ на всю Россію Максимъ Горькій, за нимъ Скиталецъ; потомъ Леонидъ Андреевъ. Въ литературѣ замелькали новыя слова: неохристіанизмъ, мистицизмъ, декадансъ...

Ивану Сергеевичу — на доброе воспоминание от неизменнаго поклонника „Вѣны“

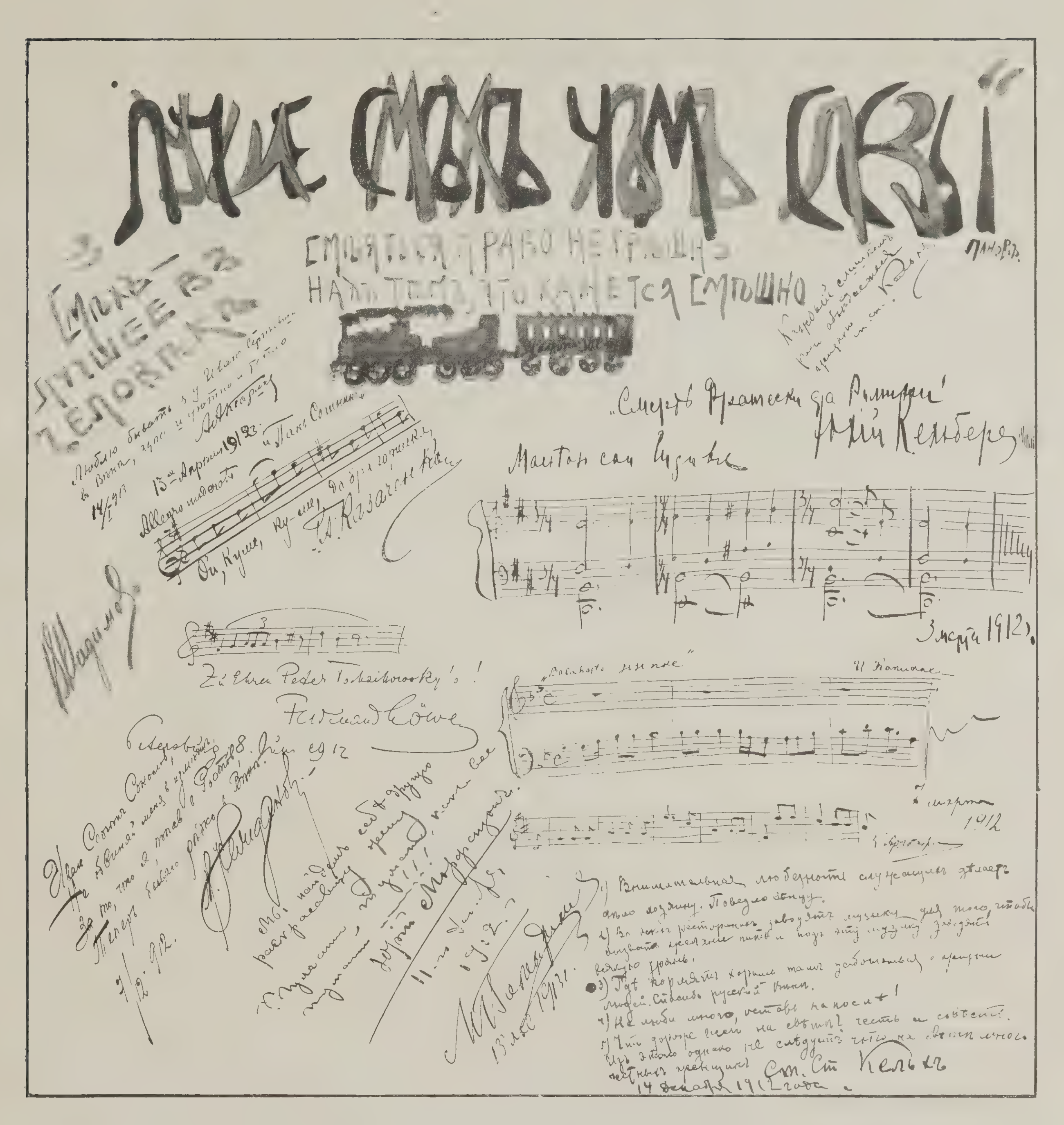
СПб. 1 дек. 911.
„Пермскій лѣс“

Василій Каменскій

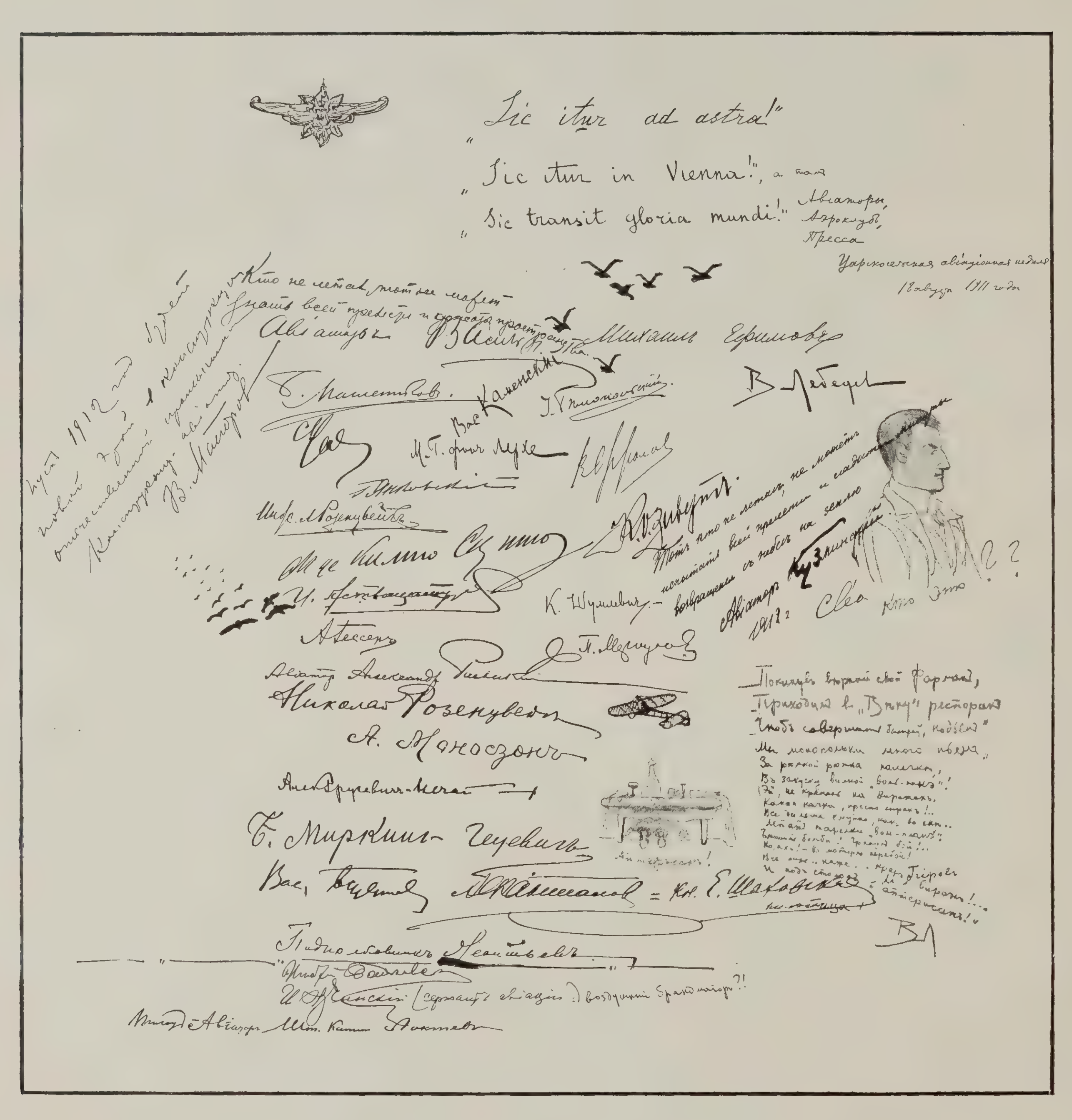
Грянула война,—и общество оживилось. Среди литераторовъ началось объединеніе. Къ тому времени „Вѣна“ занимала уже весь бель-этажъ большого дома, становясь мало по малу литературнымъ рестораномъ. Газеты и журналы занялись „литературой“, заинтересовалось ею и общество. Каждая, даже самая захудалая, газетка изо дня въ день помѣщала замѣтки о томъ или иномъ писателѣ, сообщая о всевозможныхъ мелочахъ его частной жизни.

Не говоря уже о Горькомъ, Андреевѣ и Амфитеатровѣ—газеты неумолчно кричали о каждомъ, сдѣлавшемъ себѣ хоть небольшое имя. Тогда совершенно серьезно сообщалось, что Н. выѣхалъ на дачу, У. сбрилъ бороду, а Х. носитъ старую шубу.

Литераторы были всѣ въ „Вѣнѣ“, около литераторовъ „кормились“ репортеры, а заинтригованная репортерами шла и публика. Слава „Вѣны“, какъ литературнаго ресторана-кабаре, была сдѣлана.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Хозяинъ „Вѣны“, Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ, понялъ, что такой литературно-артистическій ресторанъ давно нуженъ столицѣ.

Онъ понялъ, что литераторъ русскій—не чиновникъ изъ пробирной палатки, которому ресторанъ нуженъ исключительно для обѣда и чтенія газеты и журнальчика, не купецъ, для котораго въ ресторанахъ требуется семь чайниковъ чаю, обязательно органъ и стелящійся ласточкой половой.

Русскому литератору нужно мѣсто, гдѣ бы онъ могъ, помимо обѣда, ужина и чтенія газеты, повидаться со своими, потолковать, отдохнуть на своихъ людяхъ, и, не стѣсняясь присутствіемъ геморроидальнаго титулярнаго совѣтника, посмѣяться, прочесть свои стихи, и устроить въ залѣ изъ десятка столиковъ одинъ...

Здравый смыслъ подсказалъ И. С. Соколову, что такой „профессіональный“ ресторанъ будетъ имѣть успѣхъ, и... И. С. Соколовъ въ этомъ не ошибся.

„ВѢНА“, КАКЪ ОНА ЕСТЬ.

Въ первой комнатѣ, самой большой, нѣтъ еще ничего „Вѣнскаго“.

Длинный рядъ столовъ и столиковъ, полочки для посуды, этажерка для журналовъ и газетъ. Все какъ и въ любомъ первоклассномъ ресторанѣ, и тѣмъ не менѣе тутъ уже чувствуется, что это не шаблонный, трафаретный ресторанъ, какихъ тысячи: на стѣнахъ не мозолятъ глазъ рекламы о Пильзенскомъ пивѣ, или о папиросахъ „Добрый молодецъ“, на васъ не смотрятъ виды города Неаполя съ птичьяго полета и прочія „художества“ Александровскаго рынка. Правда, въ комнатѣ есть рекламы—Ресторанъ „Вѣна“,—но онѣ не оскорбятъ ничьего эстетическаго вкуса, такъ какъ написаны хорошимъ художникомъ.

Вторая комната занята буфетомъ. Въ ней вѣчная тѣснота, и столики занимаются съ бою. Прямо передъ глазами штабъ буфетчицъ. Съ этой комнаты начинается настоящая литературная „Вѣна“. На стѣнахъ уже висятъ плакаты съ автографами и рисунками посѣтителей „Вѣны“. За буфетомъ еще маленькая комната,—это уже литературное царство. Какъ эта комната, такъ и слѣдующая за ней, крайняя, выходящая окнами и на Гороховую и на улицу Гоголя—сплошь въ плакатахъ. Кого только тутъ нѣтъ...

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА".

Съ рисунка И. Бродскаго. *„ВѢНА“.*

Сухой перечень именъ — это нѣсколько страницъ убористаго шрифта... И все такихъ крупныхъ именъ, такъ или иначе вписавшихъ свою фамилію въ исторію литературы и искусства...

А. И. Купринъ, Анатолій Каменскій, М. П. Арцыбашевъ, Аркадій Аверченко, Евг. Н. Чириковъ, Ал. В. Амфитеатровъ, І. І. Ясинскій, А. Н. Будищевъ, О. И. Дымовъ, А. Н. Толстой, Б. А. Лазаревскій, В. В. Муйжель, И. С. Рукавишниковъ, А. С. Рославлевъ, В. А. Тихоновъ, Н. Ф. Олигеръ, Л. И. Андрусонъ, С. М. Городецкій, В. А. Рышковъ, Ре-ми, А. А. Радаковъ, А. М. Федоровъ и т. д.

Вотъ плакатъ Славянскаго Общества. Рядомъ съ нимъ—депутаты парламента 3-го созыва, (кадетская фракція). Тутъ П. Н. Милюковъ, Набоковъ, Шингаревъ...

Вотъ наброски въ краскахъ: Степаши Колесникова, Ильи Бродскаго, А. Писемскаго, Соколова-Горѣлова, Малецкаго, Конст. Маковскаго, Горбатова, Столицы, С. Чепцова, Плотникова, С. Животовскаго, А. Любимова, Куликова, портретъ „Вѣнскаго" хозяина И. С. Соколова, Колесникова и т. д.

Рядомъ съ художественными плакатами, вставленными въ рамы за стеклами, висятъ картины съ автографами всѣхъ посѣтителей „Вѣны".

Музыкальные экспромты, шалости перомъ, рифмы, остроумные экспромты, цѣлыя юмористическія стихотворенія.

Плакаты есть и въ кабинетахъ.

Всякая компанія, собиравшаяся по дѣлу или просто для отдыха, оставляла на память плакатъ.

Часто редакція какого-нибудь журнала или газеты устраивала товарищескую пирушку,—и вотъ, на стѣнахъ осталась ихъ память.

Всѣхъ плакатовъ и картоновъ вы не разсмотрите.

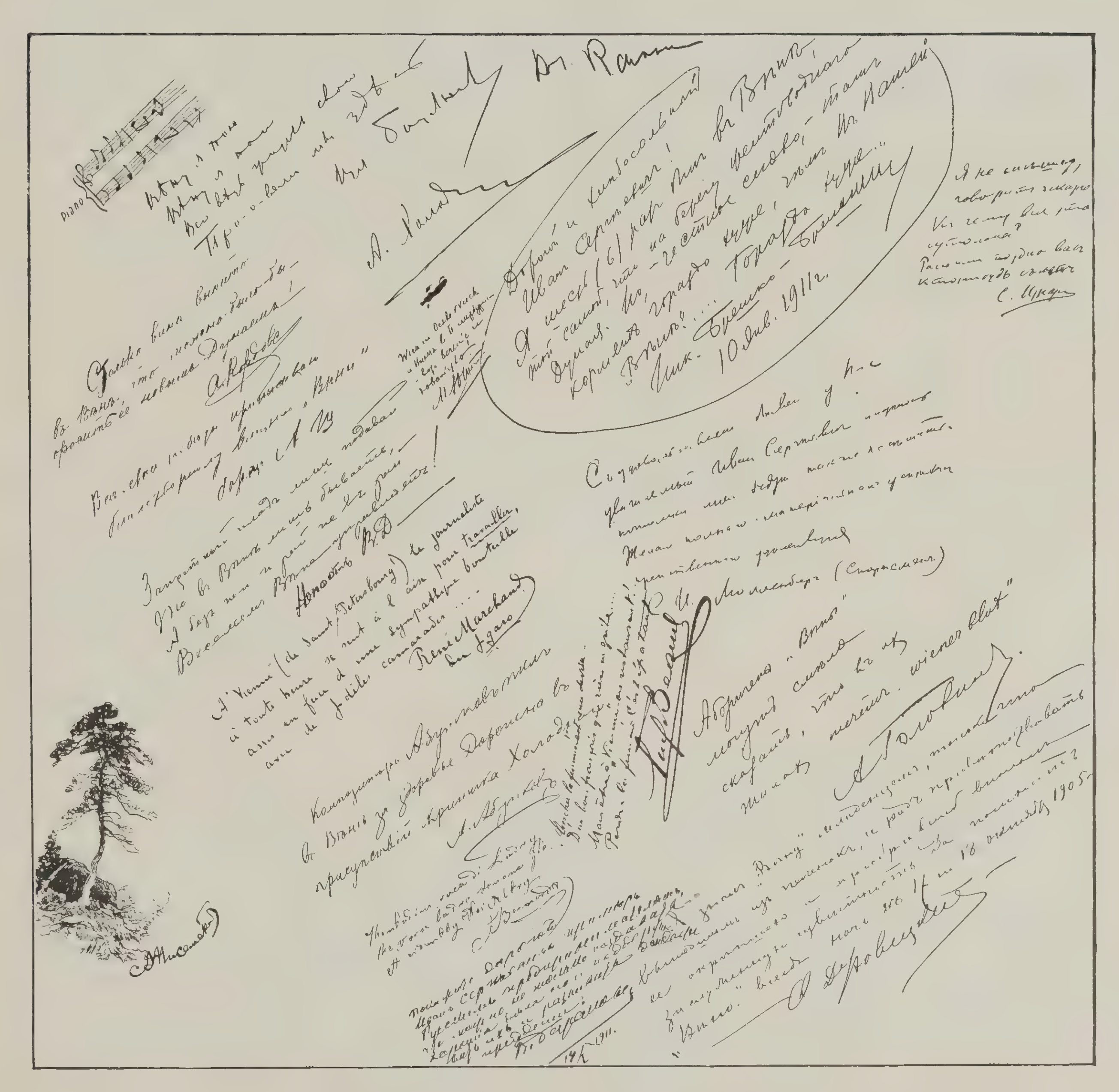
Сядьте за столъ, возьмите карту, отдыхайте и ждите.

Вотъ кончатся представленія въ театрахъ, нахлынетъ сюда публика, и вы увидите и писателей живыхъ.

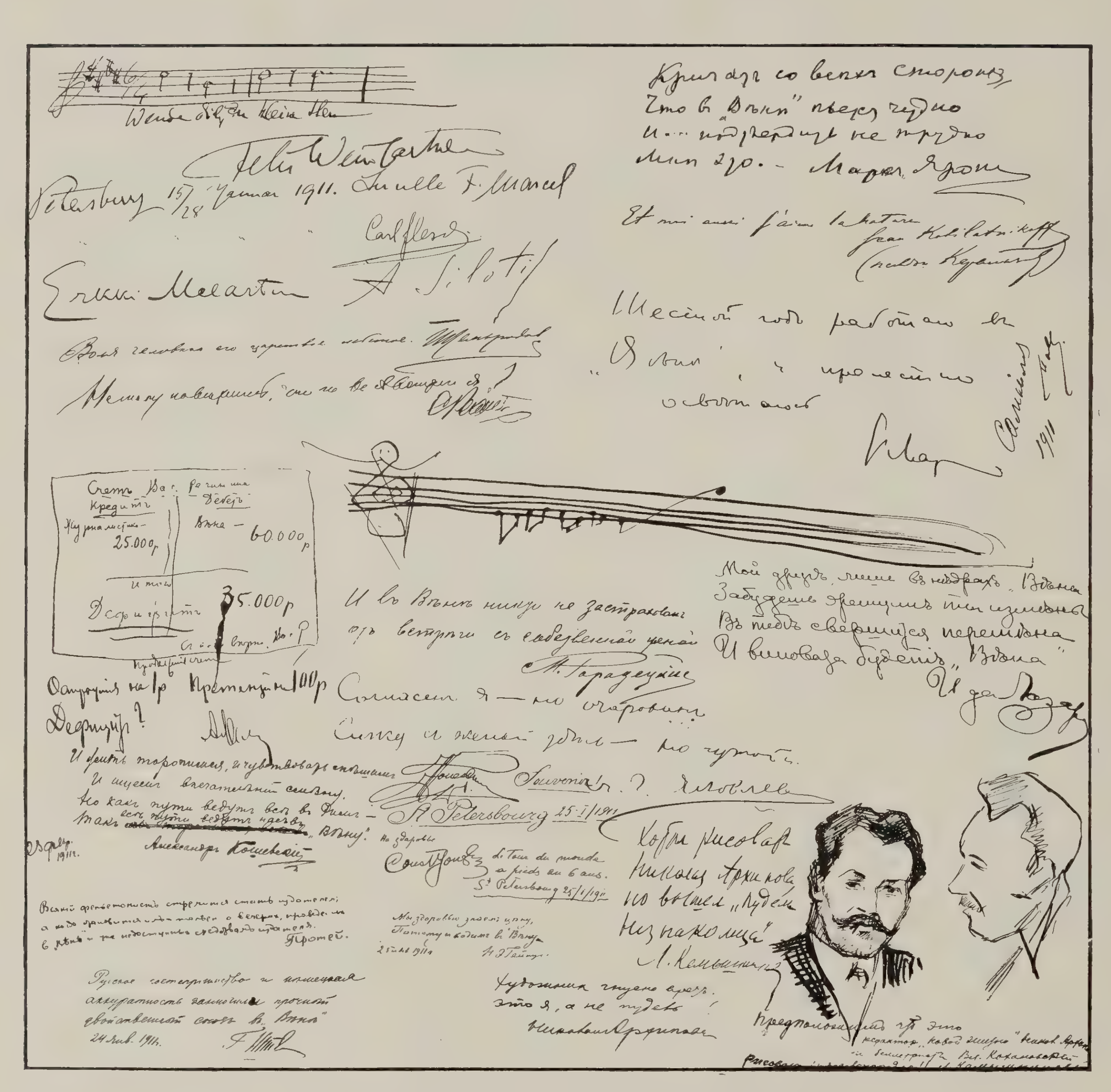
„Литература" собственно занимаетъ отъ 12 до 3 ч. ночи только заднюю комнату и смежную съ ней. Остальное же время и всѣ остальные залы и кабинеты посѣщаются и ежедневно переполнены представителями безъ исключенія всѣхъ интеллигентныхъ профессій.

Если трудно установить причины, почему „Вѣну" избрали своимъ постояннымъ ресторономъ литераторы и артисты,—то относительно прочей интеллигенціи—вопросъ можно рѣшить довольно просто.

Прежде всего, мѣстоположеніе „Вѣны" самое исключительное, такъ какъ ресторанъ помѣщается въ такомъ районѣ, гдѣ много театровъ: Маріинскій, Веселый, Незлобинскій (Луна Паркъ), Панаевскій, Консерваторія, залъ Шебеко, залъ Пальма, масса банковъ, правленій, Биржа, Адмиралтейство, II Балтійскій флотскій экипажъ, магазины Морской, Гороховой, Садовой, Офицерской и т. д. Благодаря этому „Вѣна" въ опредѣленные часы дня переполнена то биржевиками, то банковскими дѣятелями, то моряками, то коммерсантами... Изъ Маріинскаго театра, отъ Незлобина и Панаевскаго „Вѣна" самый ближній ресторанъ,—и послѣ представленій публика неизмѣнно ужинаетъ въ „Вѣнѣ". Коммерсанты пользуются обѣденнымъ перерывомъ, чтобы посидѣть въ „Вѣнѣ", какъ и банковскіе, и конторскіе и торговые служащіе...

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА".

Затѣмъ—„Вѣна“, занимая бель-этажъ углового дома, чрезвычайно просторна, свѣтла и уютна. Днемъ особенно всегда можно выбрать уголокъ, чтобы заняться разговоромъ не для посторонних.

Минуя залы—совершенно въ сторонѣ—отдѣльные кабинеты.

Кромѣ этого многихъ привлекаетъ хорошая кухня.

Правда, она немногимъ отличается отъ кухни „Медвѣдя“, или московскаго „Эрмитажа“, но въ „Вѣнѣ“ есть интересное нововведеніе: подавать кушанья не прямо на тарелкѣ изъ кухни, а въ общей мискѣ, и такимъ образомъ гость можетъ убѣдиться, что ему подаютъ дѣйствительно то, что онъ заказывалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гость можетъ выбрать себѣ тотъ кусокъ блюда, который ему нравится, что сдѣлано, надо полагать, не безъ корысти. Запахъ проносимыхъ блюдъ разжигаетъ нестерпимый аппетитъ: хочется и того и другого...

— Чортъ его знаетъ, что это такое за ризотто чертозино... Написано въ прейсъ-курантѣ, а что неизвѣстно.

А тутъ увидишь, спросишь,—и заявишь убѣжденно:

— И мнѣ тоже этого ризотто чертозино...

И кого только ни встрѣтишь тутъ днемъ, вечеромъ и ночью.

Съ рисунка В. К. Бялыницкаго-Бирули.

„ВѢНА“.

НАБРОСКИ УГЛЕМЪ.

А. И. Купринъ.

„Вѣны“ безъ А. И. Куприна нельзя себѣ представить въ ея литературномъ значенiи: она тогда теряетъ почти половину своей „стоимости“.

А. И. Купринъ давнiй, дорогой гость „Вѣны“. У него давно вошло въ привычку отдыхать въ „Вѣнѣ“ среди „своихъ“.

Вокругъ него всегда шумная, безстѣснительная, крикливая, иногда слишкомъ безцеремонная „богема“.

Вокругъ его столика всегда представители различныхъ издательствъ. редакторы журналовъ и газетъ, своя братья-литераторы, всѣ, имѣющiе до него какое-либо дѣло.

Тутъ, въ уголкѣ литераторской залы „Вѣны“ Купринъ назначаетъ свои дѣловыя свиданiя, тутъ наблюдаетъ онъ за людьми, выявляя ихъ въ типахъ своего творчества.

Самъ А. И. мало говоритъ, еще меньше смѣется... Онъ больше наблюдаетъ, вглядывается въ окружающихъ, нащупываетъ глубокими, какъ будто презрительными, глазами нутро каждаго.

Только иногда онъ вставитъ въ общiй гомонъ свое всегда мѣткое, всегда характерное острое словцо, злую шутку, саркастическiй экспромптъ.

Съ рисунка С. Колесникова. „ВѢНА“.

Съ рисунка академика В. И. Зарубина. „ВѢНА“.

Съ рисунка А. А. Писемскаго. „ВѢНА“.

Онъ не любитъ литературныхъ разговоровъ, не любитъ сплетень. Его занимаютъ гораздо болѣе характерные анекдоты, случаи изъ чьей либо жизни, психологическіе документы. Въ такіе моменты его широкое лицо съ немного монгольскими скулами оживляется, пытливые глаза загораются зеленоватымъ блескомъ.

Большею же частью къ часу ночи вся компанія уходитъ въ кабинетъ, куда со всѣхъ сторонъ „Вѣны" тянутся литераторы, артисты, художники и прочій людъ, и гдѣ веселье принимаетъ совсѣмъ семейный характеръ.

Любятъ въ „Вѣнѣ" Александра Ивановича. Оффиціанты его боготворятъ за прекрасное отношеніе. Онъ часто подолгу бесѣдуетъ съ кѣмъ либо изъ нихъ, помогаетъ словомъ и дѣломъ, оказываетъ нужную протекцію, даетъ рекомендаціи...

Въ литературномъ музеѣ ресторана хранится много его писемъ, рисующихъ А. И. съ самой лучшей стороны въ роли близкаго друга и дорогого гостя „Вѣны".

Вотъ, напр., записка къ И. С. Соколову:

„Дорогой Иванъ Сергѣевичъ.

Посылаю пока три стишка. Продолженіе будетъ. Одно условіе: человѣка, не виноватаго въ моей вспыльчивости, примите обратно.

А. Купринъ".

Зачастую, послѣ продолжительнаго пребыванія въ „Вѣнѣ", или у Н. Н. Ходотова и еще по разнымъ мѣстамъ города, А. И. вдругъ беретъ карту, выбираетъ какой нибудь пунктъ и садится въ вагонъ.

И, смотришь, черезъ три дня сидитъ гдѣ нибудь въ Балаклавѣ, или въ Житомірѣ, или въ Одессѣ, или въ Финляндіи...

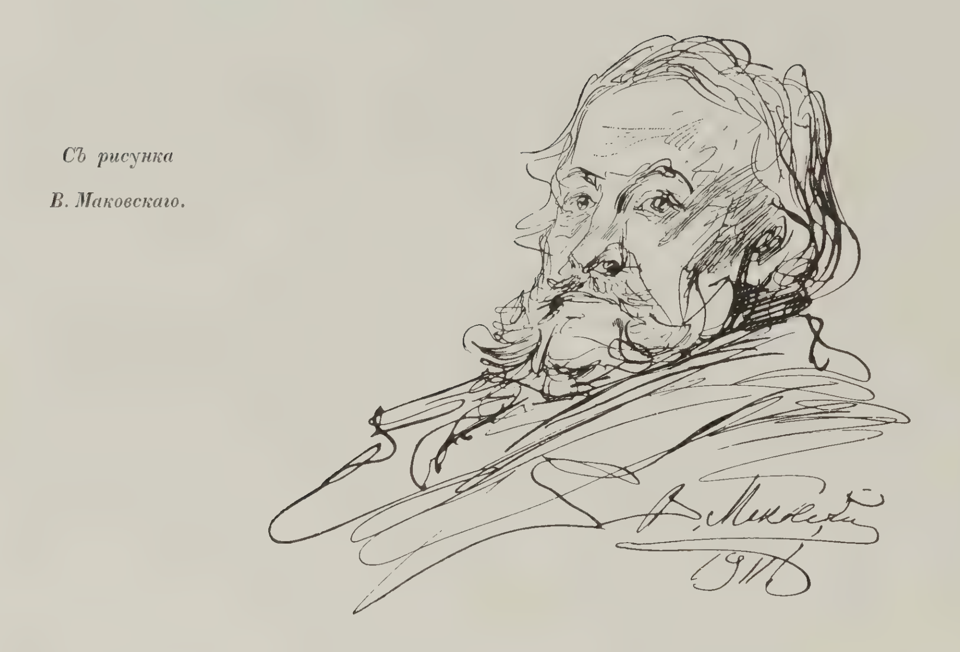
Такіе періоды—лучшіе въ его творчествѣ.

И никогда нельзя сказать,—пьянъ ли А. И. Купринъ, или трезвѣе трезваго... Въ то время, когда окружающіе его уже теряютъ способность рѣчи и логику представленій, Купринъ вдругъ читаетъ стихи Пушкина, котораго онъ знаетъ наизусть отъ доски до доски, сочиняетъ остроумную эпиграмму и видитъ въ окружающихъ такія черточки, которыхъ никогда не разсмотритъ и самый трезвый изъ нихъ.

На мѣстѣ А. И. Куприна, другой писатель, неизмѣримо ниже его по таланту и дару наблюдательности, давнымъ давно кончилъ бы продолженіе своей „Ямы", написалъ бы уже сто четыре романа и двад-

Съ рисунка

В. Маковскаго.

„ВѢНА“.

цать пьесъ. Но Купринъ органически не можетъ сѣсть за столъ, пока у него все, до послѣдней буквы, не отстоялось въ душѣ, не перебродило, не вылилось въ нужные образы.

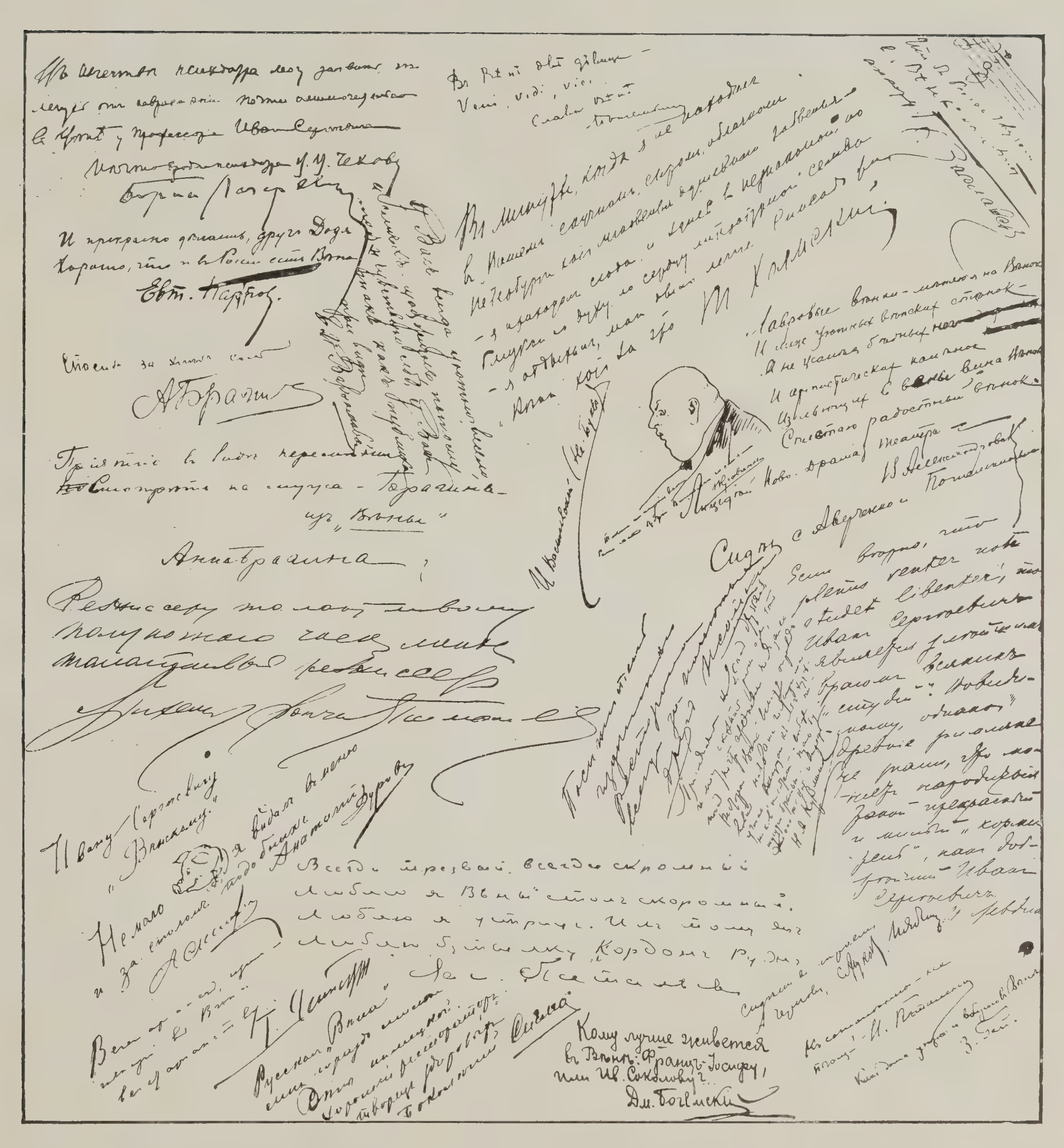
Когда онъ знаетъ, про что онъ будетъ писать, кого онъ будетъ писать, видитъ до послѣдней черты своихъ героевъ,—разсказъ или повѣсть онъ можетъ набросать въ часъ, въ два, въ шумномъ кабинетѣ „Вѣны“, въ вагонѣ между Гатчиной и Петербургомъ, или въ своемъ саду.

Мечтающій о покоѣ, величайшій поэтъ всяческой статики, Купринъ самъ полонъ безпокойства, онъ задыхается въ покоѣ и „ищетъ бури“.

Пересмотрите всѣ его автографы въ „Вѣнѣ“. Преобладаетъ колючая острота не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Пришли „сатириконцы“ послѣ „расклейки“ номера, довольные, веселые, жизнерадостные.

Полились остроты, каламбуры, колкости... Жизнерадостнымъ настроеніемъ заражается весь залъ.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Изд. III. 60-ой ...

Ив. Серг. Соколову.

на новый годъ

Извѣстный гастрономъ, нашъ другъ Иванъ Сергѣевъ,
Губитель птичьихъ душъ, убійца многихъ мясъ,
Всѣхъ православныхъ другъ, но другъ и іудеевъ
Въ заботахъ кухонныхъ ты съ головой увязъ.
Случалося, надъ Вѣной всколыхнувъ пороги,
Оттуда кормилъ ты такъ изобильно насъ,
Какъ женскій монастырь не кормитъ архіереевъ,
И даже!! критиковъ!!! кормишь ты про запасъ.
Конгломерировавъ актеровъ и поэтовъ,
Художниковъ, пѣвцовъ и прочихъ темныхъ лицъ,
По истинѣ собралъ музей ты раритетовъ.
Отъ имени дѣвицъ, отъ дамъ и отъ мужчинъ
Богема шлетъ тебѣ ... и шесть привѣтовъ.
Хоть Вѣна все-таки столица изъ столицъ!

Восхищенъ ... А. Купринъ

Вывѣшивать въ столичныхъ витринахъ разрѣшено ... цензоръ ...
совершенно правдиво?
Петръ Манаевъ

Вѣна къ 3 ч. ночи
О, Вѣна, Вѣна! кто тебя усѣялъ мертвыми тѣлами?!!
Анат. Каменскій

Wien bleibt Wien

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Купринъ выводитъ карандашемъ по картону:

„Ночь темна... Часы такъ длительны,
Не до сна... какой ужъ сонъ,
Если даже усыпительный
Не помогъ „Сатириконъ“.

А вотъ его посланіе „Къ Козерогу“, извѣстному писателю, широкой публикѣ непонятное, но возбудившее фуроръ въ литературной средѣ:

„Воспоемъ мы пѣсню Козерогу
И его прославимъ до небесъ,
Твердый лобъ его подобенъ Рогу
Отъ Пасхальныхъ вакховыхъ чудесъ.
Воспоемъ, какъ увидавши Мавру,
Онъ, заржавъ, копытомъ землю рылъ
И подобно древнему кентавру
Въ кухнѣ всю посуду перебилъ.
Какъ рукой невѣрной лилъ чернила
Въ добрый, старый, желтый чемоданъ,
Какъ на части рвалъ онъ альгвазила
И какъ въ... онъ плясалъ канканъ.
Какъ... визитную карту
Вмѣсто рукъ совалъ онъ прямо въ носъ
И за это съ Февраля до Марту
Заключенье въ „Башнѣ“ перенесъ.
А на утро выйдя изъ острога,
Онъ въ ближайшей портерной исчезъ.
Воспоемъ мы славу Козерога
И его прославимъ до небесъ“...

Вмѣстѣ съ прочими А. И. сочинилъ посланіе и хозяину „Вѣнскому“, Ивану Сергѣевичу Соколову, весьма добродушное, совершенно беззлобное и съ оттѣнкомъ юмора:

„Извѣстный гастрономъ, нашъ другъ Иванъ Сергѣевъ,
Губитель птичьихъ душъ, убійца многихъ мясъ,
Всѣхъ православныхъ другъ, но другъ и іудеевъ,
Въ заботахъ кухонныхъ ты съ головой увязъ.
Случалося надъ залой вскользь порѣявъ,
Онъ иногда кормилъ такъ изобильно насъ,
Какъ женскій монастырь не кормитъ архиреевъ,
И даже критиковъ кормилъ ты про запасъ!
Сконгломенировавъ актеровъ и поэтовъ,
Художниковъ, пѣвцовъ и прочихъ темныхъ лицъ,
По истинѣ собралъ музей ты раритетовъ.
Отъ имени мужчинъ, отъ дамъ и отъ дѣвицъ
Богема шлетъ тебѣ шестьсотъ и шесть привѣтовъ...
Нѣтъ... „Вѣна“ все таки столица изъ столицъ“!.

А эпиграммы на Куприна, о Купринѣ и про Куприна можно встрѣтить на любомъ плакатѣ.

Кто-то сочинилъ:

„Слова цѣдя чрезъ зубы сито,
Вотъ съ хрипомъ пляшетъ Карменсита,
Со лба катится стеаринъ...
Увы...—Купринъ“.

Другой поправилъ:

„Не Карменсита,
А Купринсита“.

Третій остритъ по-пріятельски:

„Когда въ мозгахъ у Куприна самумъ,
Велитъ онъ:—Муммъ!“

Или:

„Ахъ, въ „Вѣнѣ“ множество закусокъ и вина,
Вторая родина она для Куприна“..

Послѣднее, если и не вѣрно, то хорошо сказано; будущій историкъ русской литературы безъ сомнѣнія отмѣтитъ значеніе „Вѣны“ въ творчествѣ А. И. Куприна,—отрицательно оно или положительно,—дѣло будущаго.

Авторъ этихъ строкъ искренне убѣжденъ въ послѣднемъ.

А. Т. Аверченко.

Аверченко—магнитъ „Вѣны“. Гдѣ Аверченко—тамъ хохотъ, грохотъ, веселье, озорства и компанія.

Юмористъ живетъ рядомъ съ „Вѣной“, всего только черезъ домъ, и не было того дня, чтобы онъ не зашелъ въ ресторанъ.

Сатириконцы напрасно ищутъ днемъ своего „батьку“, трещатъ въ телефонъ, рыщутъ на извозчикахъ и моторахъ, изъ редакціи въ контору, въ типографію, въ театръ, на квартиру.

Гдѣ онъ пропадаетъ—неизвѣстно.

Но вечеромъ Аверченко найти—штука не хитрая. По простотѣ души, какъ медвѣдь, онъ ходитъ одной тропой, и всегда по вечерамъ его можно поймать въ „Вѣнѣ“. Тутъ онъ не увильнетъ ни отъ начинающаго сатирика, ни отъ ловкаго издателя, ни отъ южанина антрепренера, и сатириконскаго батьку тутъ можно брать простыми руками.

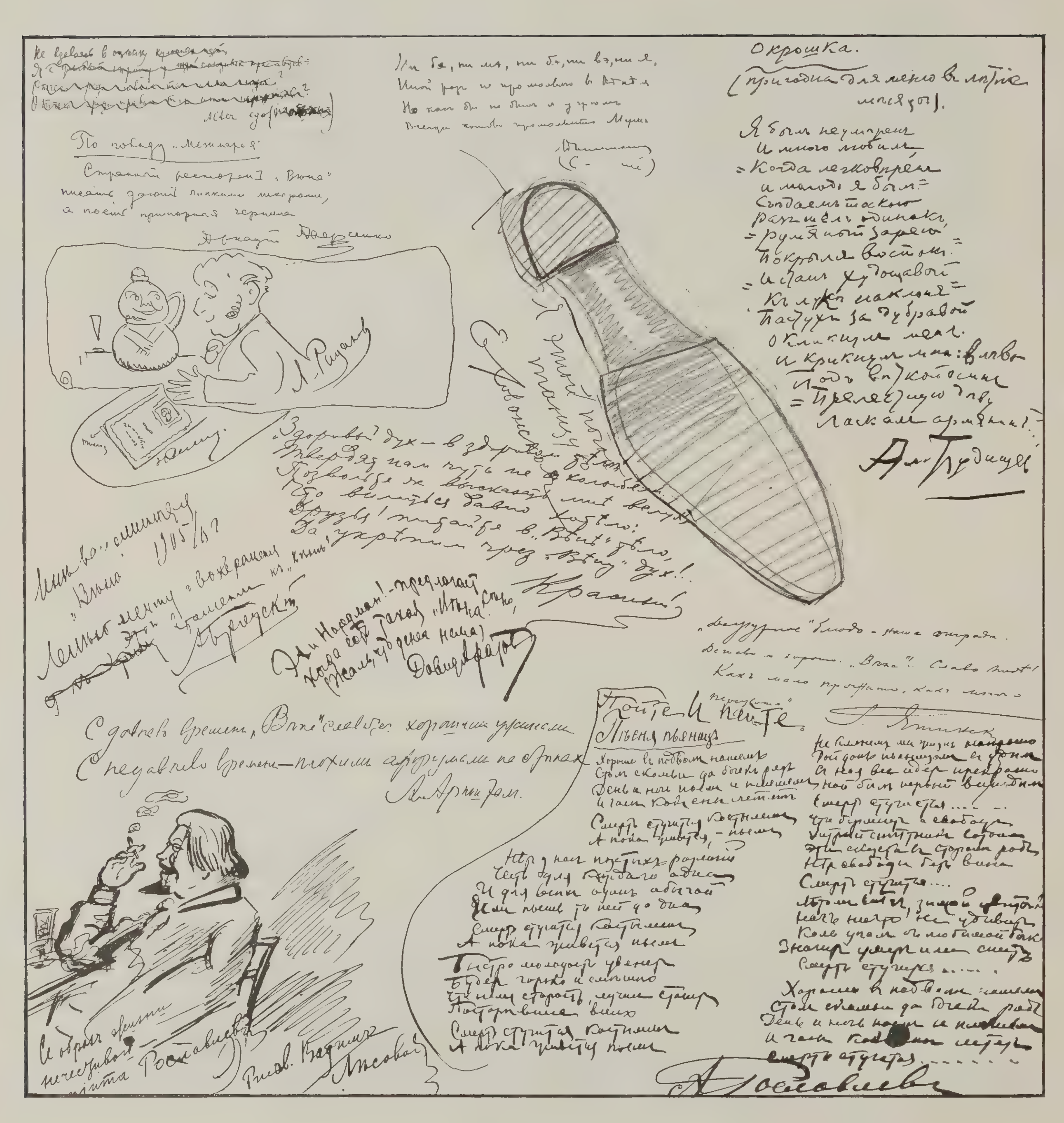
Иногда русскій Твэнъ приходитъ одинъ. Тогда его со всѣхъ сторонъ облипаютъ, какъ мухи, не сатириконцы, его вѣрноподданные, а просто беллетристы, поэты, артисты и художники.

Съ рисунка В. И. Зарубина. „ВѢНА“.

Съ рисунка А. А. Писемскаго. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Но большей частью онъ является во главѣ шумной, остроумной, грохочущей компаніи сатириконцевъ.

Тутъ—поэтъ людского безобразія, человѣческой пошлости и пакости—высокій, тонкій, сдержанный Ре-ми; шумный, гремящій „коноводъ" „галченка", Радаковъ, вѣчно веселый, всегда остроумный, всегда жизнерадостный; скромный молчаливый Юнгеръ; экспансивный Яковлевъ; встрепанный, словно только что сброшенный съ постели, съ ядовитымъ лицомъ В. В. Воиновъ; худой, тонкій, язвительный П. П. Потемкинъ; В. В. Князевъ; изящный, умный, шаловливый К. М. Антоновъ (Красный); флегматичный Г. А. Ляндау; Е. В.; Е. Х...

Сатирическая компанія сразу занимаетъ три-четыре столика, и немедленно же начинается несмолкаемый „дебошъ". Остроты, эпиграммы, каламбуры сыпятся какъ изъ громаднаго мѣшка. Одно пустяшное замѣчаніе, движеніе рукой, поза—все даетъ тему для остроумія,—легкаго, свободнаго, не натянутаго.

Стихами сатириконцы говорятъ какъ прозой.

Кто то уронилъ часы подъ столъ, поднялъ ихъ и сталъ разсматривать. Красный серьезно даетъ рифмованный совѣтъ:

„Теперь излишни охъ и ахъ.
Но и дуракъ, вѣдь каждый вѣдаетъ:
Стоять возможно на часахъ,
Но наступать на нихъ не слѣдуетъ".

Князевъ сообщаетъ, что на дняхъ у него выходитъ книга о народной поэзіи-частушкѣ.

Батька благодушно поощряетъ:

„Твое творенье, милый другъ,
Достойно всякихъ восхищеній,
Не даромъ всѣ кричатъ вокругъ,
Что это цѣлый возъ хищеній."

Шумъ вокругъ столика стоитъ невообразимый. Голосъ Радакова слышенъ чуть не до выхода.

Художники, между тѣмъ, въ балагурствѣ и празднословіи обсуждаютъ темы и рисунки для слѣдующаго номера, поэты и прозаики выслушиваютъ „проказы" батьки... Совершенно незамѣтно, шутя, составляется номеръ. Каждый знаетъ, что ему нужно приготовить къ четвергу.

Красный вскользь сообщаетъ о томъ, что ѣдетъ въ Харьковъ въ кабарэ „Голубой Глазъ".

Батька высказываетъ соображеніе:

— Значитъ харьковцы увидятъ бревно въ своемъ „глазу“...

И оба чокаются ликеромъ.

Прибываетъ публика послѣ спектаклей. Разговоръ въ залѣ становится общимъ. Остроты и экспромты летятъ изъ угла въ уголъ и покрываются дружнымъ хохотомъ.

Декадентскій поэтъ читаетъ свои новые стихи, и заканчиваетъ:

„Мои стихи уйдутъ въ вѣка“...

Сатириконскій батька и тутъ добродушно киваетъ головой, но поправляетъ декадента-пріятеля:

„Твои стихи уйдутъ въ вѣка“—
Сказалъ ты это молодецки.
Но эти самыя „W. K.“
Пиши ты все-же по нѣмецки“.

Въ интимномъ кружкѣ на участниковъ иногда нападаетъ „стихъ“ Кузьмы Пруткова, и тогда сверкаютъ оригинальные афоризмы и блестки остроумія, на что особенно щедръ сатириконскій батька.

„Храни завѣты старины,—
Носи со штрипками штаны“...

совѣтуетъ онъ В. К—ву, сидящему въ слишкомъ короткихъ брюкахъ.

Даетъ общее наставленіе, смѣется глазами, но, какъ истый хохолъ юмористъ, имѣя совершенно серьезное лицо:

„Когда тебѣ безмѣрно любы
Литавры, лавры и почетъ,—
Ты вынь глаза, возьми ихъ въ зубы
И плавно двигайся впередъ“...

Вася Регининъ сентенціозно замѣчаетъ:

„Наплюй на жизнь слѣпыхъ кротовъ,
Люби изломы линій,
Люби игру живыхъ цвѣтовъ,
А между ними „Синій“...

Гасятъ люстры и лампіоны. Но никто еще не хочетъ уходить по домамъ. Всѣ медлятъ. Нужны усиленныя просьбы самого Ивана Сергѣича, и только напоминаніе о томъ, что оффиціанты устали и барышни за буфетомъ падаютъ отъ усталости, заставляетъ юмористовъ, беллетристовъ и поэтовъ подняться съ насиженныхъ мѣстъ.

На дворѣ бурлитъ вьюга. За снѣгомъ холодно мигаютъ фонари. Нѣсколько извозчиковъ и моторовъ нагружаются къ Ходотову. Богема собирается куда то на Фонтанку въ чайную варить свѣжую уху съ поплавка, остальные мирно разъѣзжаются по домамъ.

Сатириконцы съ несмолкаемымъ хохотомъ провожаютъ своего батьку до его подъѣзда и садятся въ моторы.

Съ рисунка Б. А. Лазаревскаго. „ВѢНА“.

Борисъ Лазаревскій.

Не менѣе, если не столько же популяренъ въ „Вѣнѣ“ старинный и вѣрный другъ ея, Борисъ Александровичъ Лазаревскій.

Крутитъ ли холодная зимняя вьюга, моросить ли нудный осенній дождь, пронизываетъ ли до костей тяжелый туманъ въ улицѣ,— ничто не удержитъ дома Б. А. въ его тепломъ, свѣтломъ, уютномъ номерѣ въ Палэ-Роялѣ *).

---

*) Палэ-Рояль—громадный меблированный домъ на Пушкинской.

Одинъ или съ кѣмъ нибудь изъ Палэ-роялистовъ, онъ обязательно будетъ въ „Вѣнѣ“.

Уже въ швейцарской начинаются радостные возгласы и рукопожатія. Б. А. на мягкихъ подошвахъ ботинокъ неслышно стелется въ заднюю комнату, направо и налѣво жметъ руки. А со всѣхъ сторонъ — дружескія улыбки, привѣтствія и вопросы.

Начинающему поэту онъ устроилъ стихи въ журналъ, журналиста рекомендовалъ въ крупную провинціальную газету, знаетъ о всѣхъ новыхъ изданіяхъ и журналахъ, знакомитъ такого-то съ такимъ-то, тому сообщаетъ отвѣтъ редактора, тому передаетъ поклонъ изъ Кіева...

Помогаетъ, хлопочетъ, старается, волнуется, кипитъ.

Но онъ не практикъ. Все, только не это.

Б. А. любитъ литературу и литераторовъ самой нѣжной, чистой любовью, и съ кропотливостью стараго архиваріуса и страстностью молодого любовника собираетъ всякую мелочь, касающуюся литературы, и ведетъ дневникъ, нѣсколько громадныхъ книгъ котораго уже сданы въ музей Ф. Ф. Фидлеру. Въ нихъ все: впечатлѣнія дня, событія, вырѣзки изъ газетъ, портреты, группы, автографы, письма, записки...

Истый хохолъ, Борисъ Александровичъ тонкій гурманъ.

Въ „Вѣнѣ“ есть „Конотопская колбаса Лазаревскаго“.

Какія нибудь „почки по еврейски“ приносятся ему въ залу изъ кухни въ жаровнѣ съ углями, ибо оффиціанту внушается способъ приготовленія.

Борисъ Александровичъ свой человѣкъ и въ кухнѣ „Вѣны“. Повара знаютъ его вкусъ и никогда ничего не испортятъ.

Даже изъ Конотопа Борисъ Александровичъ посылаетъ въ „Вѣну“ рецепты новыхъ блюдъ.

Въ музеѣ ресторана хранится его письмо:

„Дорогой

Иванъ Сергѣевичъ!

Вчера колбаса отправлена на имя ресторана „Вѣна“. Только нужно умѣть ее жарить, и чтобы она не лопалась, прокалывать; подавать однимъ кускомъ, а не рѣзаную, съ пюре или съ капустой. Хорошо ее сдѣлать и въ кастрюлѣ, въ видѣ „бигоса“ — соусъ изъ капусты и лука, плюсъ лавровый листъ и перецъ, въ этомъ случаѣ она рѣжется на кусочки и подается въ кастрюлѣ.

Съ рисунка В. Плотникова. „ВѢНА“.

„Вѣна" не столько достопримечательный,
сколько преступный ресторан.
Здесь:
Пишутъ... вкусно изъясняются
убиваютъ... время
топятъ... горе въ винѣ
рисуютъ... правду
отравляютъ... воздухъ
Наконецъ бросается въ глаза, что
стрѣляютъ... глазами (Ахъ!)
И даже самъ Иванъ Сергѣевичъ,
какъ видите, приютилъ въ стѣнахъ...
наряду съ твореніями величайшихъ
людей вѣка и мои скромные
автографы.
Уседер
Февраль 1911.

Согласен В Котельников

Монт
1911 — 2 — 27

[illegible]:
Здесь не только ри-
чутъ правду, но иногда
рядъ запрягаютъ и
Ивана Сергѣевича......
подписной счетовъ.
Павел Волжский.

Двенадцать лет я хожу в Вѣну
Не мыслить не могу я о переменѣ...
Не мудрено... всѣ лучшія мгновенья
Переживал я, — в сем милом заведеньи
(Икар (Кисляк.)

Dem Liebenswürdigen Wirthe
vom Wiener Restaurant
18/3 1911
Hier ist's gut sein
Philipp Dirka
Julius Spielmann
Käthi Katharina
Hans Reisch:
Dr. Lampert m/...
Ihr Würde

Юлія Ренберг

Когда съ принципомъ торгаша
Твой умъ не сможетъ примириться
И въ омутъ чистая душа
Не пожелаетъ погрузиться,
Не трать ты словъ, ни трать рѣчей;
А сходи въ „Вѣну" и... запей!
И. н. Герсонъ

Wiensky Restaurant
Wiensky Schnitzel
Wiensky Operetti
3 gute Dinge
C. Steinberg
11. 3. 911

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Предложите Аверченкѣ, онъ пойметъ, а также Васькѣ Регинину въ видѣ соуса.

Вашъ Бор. Лазаревскій".

Регининъ уже поймалъ въ углу Каменскаго и не намѣревается выпустить его изъ цѣпкихъ лапъ безъ того, чтобы не получить разсказа для своего журнала. Сварогъ широко и рѣзко зарисовываетъ въ свою книжку пріятелей: фельетониста В. и Ваню Веселова.

Въ табачномъ дыму не видно лампочекъ. Полная непринужденность царитъ въ залѣ. А Б. А. все еще не успокоился. Черезъ весь залъ кричитъ онъ своему безпутному протеже Женькѣ Х-ву:

— Ты завтра же утромъ сходи къ Короленкѣ и отдай разсказъ. Утромъ обязательно... А если Розенфельдъ дастъ денегъ, перво на перво ботинки пойдемъ покупать...

Безпутный Женька Х. очарованно смотритъ на графинъ съ пикономъ и не въ состояніи ничего понимать.

Анатолій Каменскій.

Каменскій не ходитъ въ „Вѣну" одинъ, Каменскій ничего не пьетъ, никогда не шумитъ...

Это, казалось бы, странно, но это—фактъ. Невольно представляешь себѣ его послѣ „Леды", „Бѣлой Ночи", „Четырехъ" и прочаго красавцемъ, разбитнымъ анекдотистомъ, острякомъ, сердцеѣдомъ, смѣлымъ и даже немного наглымъ бонвиваномъ.

На самомъ дѣлѣ Каменскій чрезвычайно скроменъ и тихъ, не любитъ никакого шума и разговора на темы его разсказовъ...

Онъ немного повыше средняго роста, съ полнымъ чистымъ лицомъ и маленькими усиками.

Глаза у него зеленоватые и немного калмыцкія скулы.

Въ „Вѣнѣ" онъ бываетъ часто и съ самыми разнообразными компаніями. Бываетъ съ сатириконцами, съ беллетристами всѣхъ кружковъ и школъ, съ поэтами, съ богемой, артистами и музыкантами...

Всегда всѣмъ усердно подливаетъ вино и... наблюдаетъ. Самъ „питая отвращеніе" къ алкоголю, онъ любитъ пьяныхъ людей, людей того состоянія, въ которомъ стираются классовыя, моральныя, интеллектуальныя и проч. перегородки, въ которомъ человѣкъ неизмѣримо болѣе правдивъ и самобытенъ, когда онъ меньше всего внѣ себя, а почти весь во внѣ...

Каменскій дѣтски наивно вѣритъ, что его творчество въ концѣ концовъ вдохновитъ людей на созданіе новыхъ, не мѣщанскихъ отношеній. Люди будутъ знакомиться другъ съ другомъ безъ всякихъ представленій и церемоній, заговаривать съ совершенно незнакомыми мужчинами и женщинами, заходить въ чужіе дома... Тогда не будетъ этой могильной отчужденности, скуки и холода, жизнь станетъ прекрасной, яркой, красивой и интересной. Однако самъ онъ не практикъ, не примѣняетъ своихъ мечтаній и больше хлопочетъ о томъ, чтобы за столомъ все было корректно, тихо и даже изящно. Ни приставаній, ни разговоровъ съ посторонними онъ не любитъ.

Съ „Вѣной“ Каменскій связанъ съ первыхъ дней ея существованія самой тѣсной дружбой. Въ расцвѣтъ его славы и самаго яркаго творчества, въ „Вѣну“ ходили исключительно ради того, чтобы посмотрѣть Каменскаго.

М. П. Арцыбашевъ.

Не похожъ на своего Санина и М. П. Арцыбашевъ. Скромный, тихій, молчаливый, сосредоточенный—онъ не можетъ найти въ себѣ ни одной черты его анархо-нигилистическихъ персонажей.

Въ скромномъ пиджакѣ или въ бархатной косовороткѣ онъ занимаетъ въ „Вѣнѣ“ угольный столикъ, самъ садится всегда глубже всѣхъ и смотритъ большими задумчивыми глазами на „своихъ“ и на публику.

Онъ плохо слышитъ и потому всегда держитъ ладонь руки возлѣ уха.

Арцыбашевъ много содѣйствовалъ популярности „Вѣны“. Еще въ то время, когда „Вѣна“ не была такъ знаменита, Арцыбашевъ уже привлекалъ туда и издателей, и литераторовъ, и невольно, конечно, поклонниковъ. Цѣлыми часами, неустанно онъ игралъ тамъ на билліардѣ съ Потемкинымъ, Муйжелемъ и... считался однимъ изъ лучшихъ игроковъ, такъ что даже и Муйжелю и Потемкину, тоже прекраснымъ игрокамъ, всегда давалъ большія форы. Въ то время Арцыбашева въ „Вѣнѣ“ можно было видѣть почти ежедневно.

Часто за однимъ столикомъ съ нимъ сидѣла вся редакція знаменитаго тогда Миролюбовскаго „Журнала для всѣхъ“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Бывали Г. А. Яблочковъ, В. В. Муйжель, Скиталецъ, Борисъ Лазаревскій, А. Н. Толстой, Карменъ, Н. Я. Абрамовичъ, Владиславъ Кохановскій, Вл. Ленскій, Андрусонъ, О. И. Дымовъ, С. Ф. Юшкевичъ, Н. Р. Олигéръ, С. А. Найденовъ, Б. К. Зайцевъ, А. И. Косоротовъ, А. И. Свирскій.

Созвѣздіе, спаянное геніальнѣйшимъ редакторомъ, В. С. Миролюбовымъ, распалось только послѣ смерти „Журнала для всѣхъ“, когда В. С. принужденъ былъ эмигрировать, и по чисто постороннимъ обстоятельствамъ журналъ нѣсколько измѣнилъ свое лицо.

Однако и теперь „созвѣздіе“ посѣщаетъ „Вѣну“. Въ каждый свой пріѣздъ въ столицу М. П. Арцыбашевъ неизмѣнно идетъ съ былыми соратниками въ старое, насиженное гнѣздо и просиживаетъ тамъ подолгу.

Въ плакатахъ „Вѣны“ масса эпиграммъ, шаржей и экспромтовъ на Арцыбашева. Большинство изъ нихъ, сочиненное въ интимныхъ собраніяхъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, не вывѣшено, въ виду ихъ слишкомъ интимнаго характера.

А. В. Амфитеатровъ.

Время посѣщенія А. В. Амфитеатровымъ „Вѣны“ совпало съ самымъ блестящимъ расцвѣтомъ именно „настоящей“ „Вѣны“, когда она посѣщалась звѣздами первой величины, и ея задняя комната принадлежала исключительно литераторамъ и артистамъ. Тамъ пѣла знаменитая „Марго“, читали стихи и баллады декаденты, часто плясали и даже боролись, и почти ежедневно можно было видѣть массивную импонирующую фигуру А. В. Амфитеатрова, который всегда садился въ углу, а вокругъ группировались Н. Н. Ходотовъ, поэтъ М. П. Свободинъ, В. П. Платоновъ, А. И. Купринъ.

Интриговала всѣхъ одна таинственная дама, извѣстная подъ именемъ маркизы. Съ загадочными глазами, пепельнымъ каскадомъ волосъ, съ длиннымъ треномъ платья, похожая на лилію, она декламировала свои странные стихи, а большею частью писала ихъ чернилами прямо на скатерти, и, конечно, заливала ее.

П. Н. Орленевъ устраивалъ борьбу съ Н. В. Александровымъ, арбитромъ выступалъ А. И. Купринъ.

Никто не слышалъ послѣдняго третьяго звонка. Приходилось чуть не на колѣняхъ умолять веселую залу, чтобы окончилось веселье, и гости шли по домамъ.

А. В. Амфитеатровъ не принималъ участія въ шалостяхъ и забавахъ молодежи. Его убійственныя безпощадныя эпиграммы, его остроты, каламбуры и характеристики необычайно оживляли общество, передавались въ безконечныхъ передачахъ и разносились по городу въ спискахъ и устно, и подъ его-же предсѣдательствомъ часто устраивались какіе нибудь импровизированные диспуты, юмористическіе доклады; начинались пренія, поднимался хохотъ и шумъ.

Выходили и „инциденты". Такъ однажды къ А. В. Амфитеатрову присталъ маленькій репортерикъ.

— Скажите намъ, какая ваша политическая платформа?

А. В. долго отмахивался отъ назойливаго темнаго господина, но тотъ не отставалъ.

Тогда А. В. всталъ во весь ростъ, поднялъ за шиворотъ репортера и какъ котенка швырнулъ въ уголъ. А затѣмъ, размахивая точно перышкомъ тяжелымъ массивнымъ дубовымъ стуломъ, объявилъ:

— Отстань. Иначе... вотъ будетъ моя политическая платформа!

Уже будучи эмигрантомъ, А. В. не забывалъ „Вѣны", она упоминается во многихъ его сатирическихъ наброскахъ, а Пьеръ Вьенпупульскій даже сталъ литературнымъ типомъ...

В. В. Муйжель.

„Первый народникъ" нашего времени—большой поклонникъ „Вѣны". Казалось бы, что творчество Муйжеля діаметрально противоположно творчеству города,—города газетъ, электричества, ресторановъ, рекламы и кинематографа.

Но В. В. въ интимныхъ кружкахъ откровенно признается, что „Вѣна" оказывала на него самого и на все его творчество самое благотворное вліяніе.

Постоянно В. В. живетъ подъ Псковомъ, въ тихомъ пригородѣ „Печеры", среди лѣсовъ и полей, гдѣ сугробы заваливаютъ дома по самую крышу, но иногда наѣзжаетъ въ столицу, останавливается въ „Палэ-Роялѣ" и ходитъ въ „Вѣну".

Милая Вѣна! Для тебя я
Измѣняю даже стихамъ и
признаюсь тебѣ въ любви — в прозѣ
Александръ Бискъ

Успѣшно закусивъ блинами,
Я не пойду на этотъ рискъ:
Пусть пишетъ прозой славный Бискъ,
Я распишусь подъ нимъ — стихами
Ар. Арабажинъ

Хоть Господь не Метерлинкъ,
Не меньше онъ прославилъ Вѣну!
Друзья! Кому дается стихъ —
Создайте цѣлую поэму
На славной жизни „Вѣны" тему.
12-II-1911
Точка (А. А. Ярошко)
Фельетонистъ „Крымскаго Вѣстника"

Писать?.. Что можетъ написать
вамъ оперетка?
Ну, развѣ чушь... Хотя нерѣдко
Живетъ съ умомъ, разсудкомъ въ
мирѣ и актеръ...
Не думайте, что это чушь; утопия,
гнѣвъ вздоръ.
Безъ всякихъ нудныхъ „оховъ", „аховъ",
Вѣдь всякое мой другъ Горацію бываетъ
Н. Монаховъ

Какъ-то недавно я счетъ позабытый
Изъ „Вѣны" — ресторана — нашелъ...
Въ немъ я про адъ, давно пережитый,
Краткую сказку прочелъ.
Блѣдныя строки, шампанскимъ играющимъ,
Вмигъ озарили меня...
Скромненькимъ карманомъ — „тихо" страдающимъ —
Прошлое передалъ я...
Ив. Юранновъ.

Полъ жизни провожу на сценѣ,
Другую половину въ „Вѣнѣ",
Какъ и Монаховъ, я актеръ Гамаковъ,
Въ оперетѣ баритонъ...
Аркадій я Марковскій

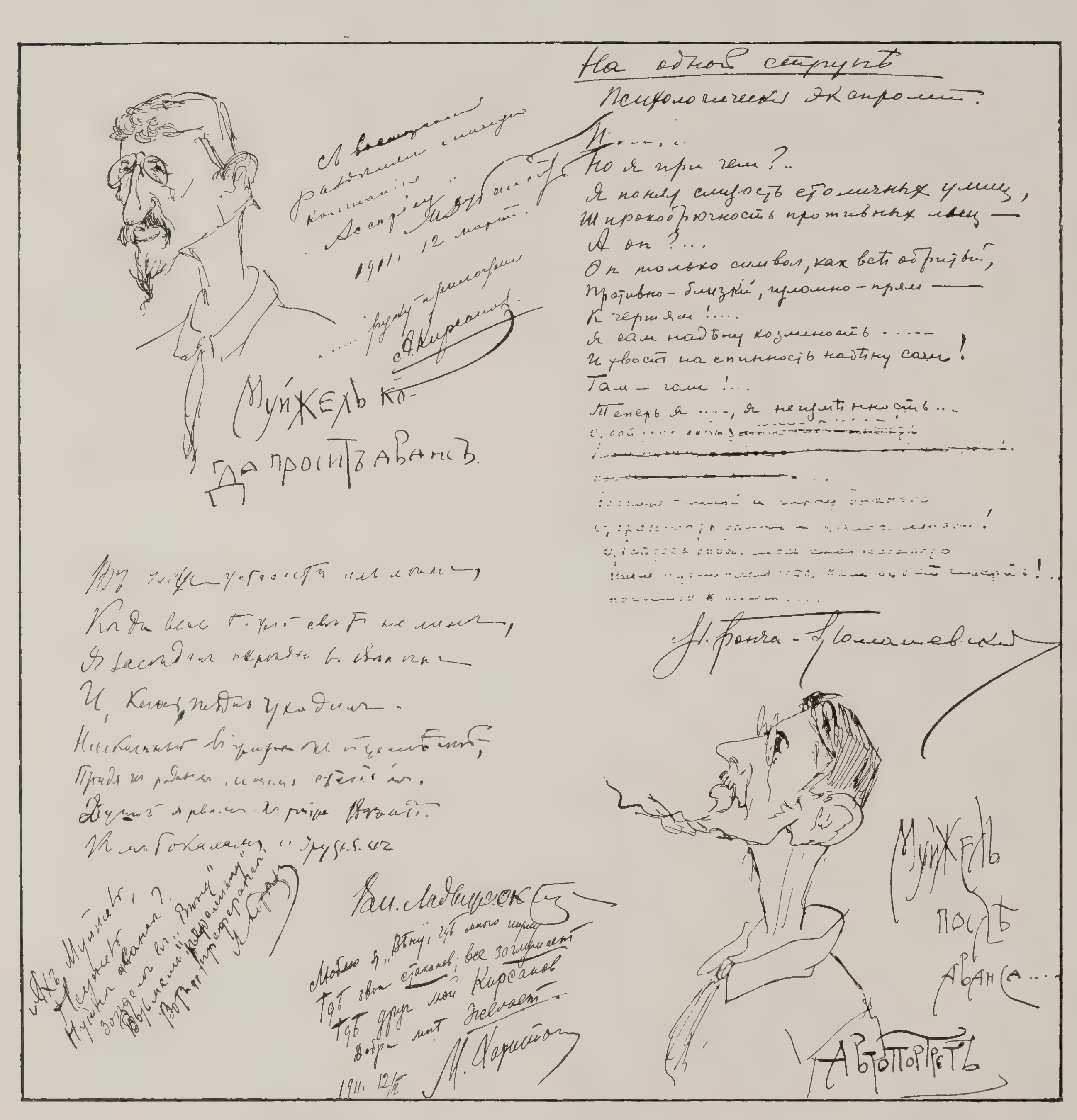
Здѣсь сидѣли мы и тамъ...
Всѣ мы здорово подняли...
О дѣлахъ мы говорили
Шуру с Шурой поменяли!
„Шура (ан)
Шура (ова)
Я А—скій

29/VII 12

Я тотъ, который женили
И за невѣсту Шуру пили:
Потомокъ славнаго Зашура
— Я здѣсь извѣстенъ — Саша Край

Кто любитъ жемчугъ, тотъ не боится бездны ни пучины океана, ни акулъ. Кто любитъ поѣсть, тотъ да не убоится обитающихъ на днѣ „Вѣны" гурмановъ и жемчугъ „вѣнской" кухни будетъ ему наградою.
Александръ Тамаринъ

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

— У меня тамъ тишина... Печальныя поля, молчащіе лѣса, простыя слова и простыя дѣла... Мирный, незамѣтный трудъ и тишина... тишина... А пріѣдешь сюда—сразу шумъ, гомонъ, ярмарка большихъ самолюбій, вѣчная каша, неразбериха...

В. В. садится въ уголкѣ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ пріятелей и смотритъ, и слушаетъ, и наблюдаетъ.

Вокругъ все такъ не похоже на то, чѣмъ живутъ мирныя „Печеры", а между тѣмъ этотъ то контрастъ и любитъ Муйжель.

— Посмотришь на эту ярмарку,—и видишь отчетливѣе, что— тамъ именно, въ глубинѣ Россіи, гдѣ вѣковая тишина,—настоящее, всамдѣлишное, русское... А тутъ только наносное, фальшивое, тэт'овское. Кажется, что все это фантастическій миражъ, который вотъ вотъ долженъ разсыпаться и пропасть безъ слѣда... А безъ этого миража всетаки нельзя... Для контраста требуется... Ночь и день... Добро и зло.

В. В. Муйжель пишетъ и про интеллигенцію...

Какъ и мужика, Муйжель умѣетъ разсмотрѣть и нашего культурнаго современника,—пустого, израненнаго, тоскующаго, бьющагося въ милліонѣ проблемъ и различныхъ вопросовъ, современника удивительнаго, странно-сложнаго, нелѣпаго, несуразнаго...

И въ этомъ помогаетъ Муйжелю „Вѣна". Кого только тутъ не встрѣтитъ онъ, сколькихъ мнѣній не наслушается, сколько горя, страданій и тоски не нащупаетъ, сидя въ уголкѣ за бокаломъ бѣлаго вина съ длинной сигарой...

Но этотъ одинокій уголъ до перваго литератора.

Первый пришедшій „братъ-писатель"—и объективная наблюдательность кончена. Муйжель всей душой, всѣми нервами принадлежитъ литературѣ, а каждый пишущій всегда принесетъ съ собою что нибудь новенькое. Все, о чемъ пишутъ, что волнуетъ все общество въ каждую минуту, среди писателей все это переживается острѣе, тоньше, глубже, и каждый вопросъ разсматривается съ сотни сторонъ, каждый смотритъ на него подъ своимъ собственнымъ угломъ, иногда парадоксальнымъ, иногда и совсѣмъ дикимъ...

Этотъ кинематографъ интеллигентской мысли и тянетъ Муйжеля въ „Вѣну" изъ тихихъ Печеръ.

Нельзя однако сказать о старомъ другѣ „Вѣны" только, какъ о серьезномъ идейномъ писателѣ. Муйжель никогда не прочь и пошу-

тить въ компаніи братьевъ-писателей и представителей искусства, но терпѣть не можетъ афишировать гдѣ бы то ни было своего имени.

На плакатахъ Муйжель фигурируетъ всего только одинъ разъ, хотя въ „Вѣнѣ“ онъ бываетъ почти со всѣми компаніями, сдѣлавшими славу „Вѣнѣ“.

Говорятъ, что онъ не любитъ стиховъ. Однако изрѣдка онъ и самъ сочиняетъ недурные стихи, но никому ихъ не показываетъ, а по написаніи рветъ.

Запомнилась одна его эпиграмма. Какъ то литераторы вздумали написать на него по экспромту, и темой взяли его романъ „Годъ“, который въ 1912 году тянулся 12 мѣсяцевъ въ „Русскомъ Богатствѣ“.

Стиховъ написали массу, въ родѣ слѣдующихъ:

„Годъ“ пройдетъ... Честной народъ,
Какъ вотъ буду жить на свѣтѣ я,
Коль на будущій намъ годъ
Муйжель двинетъ „многолѣтіе“...

Большинство экспромтовъ, конечно, оказались „интимнаго характера“. Муйжель отвѣтилъ:

„Кой что въ экспромтахъ и недурно,
Но вотъ въ чемъ горе и бѣда,
Что хорошо, то нецензурно,
А что цензурно—ерунда“.

Скиталецъ (С. Г. Петровъ).

Сколько сотенъ курсистокъ упрашивало бывало своихъ коллегъ студентовъ сводить ихъ въ „Вѣну“.

Собирались деньги (по рублю съ персоны), чтобы идти въ „Вѣну“, заказать тамъ что нибудь попроще и подождать:

— А вдругъ придетъ Скиталецъ.

Тогда гремѣлъ Горькій, и не менѣе чѣмъ онъ его другъ, его соратникъ, Скиталецъ. Книги Скитальца расходились въ десяткахъ тысячахъ, стихи заучивались наизусть, въ разсказахъ запоминали цѣлыя страницы. Надъ писателемъ блисталъ нимбъ славы, но онъ не презиралъ толпы, читалъ съ эстрады свои стихи, показывался тутъ и тамъ, ходилъ въ „Вѣну“, куда ради него въ свою очередь ходила молодежь.

Всегда сосредоточенный, молчаливый, Скиталецъ рѣдко говорилъ, больше слушалъ, и, кажется, совершенно не замѣчалъ, что служитъ мишенью множества пылающихъ глазъ и пересудовъ.

Съ рисунка Б. А. Лазаревскаго. *„ВѢНА“.*

Молодые.

Теперь эти молодые—уже довольно пожилые люди; многіе изъ нихъ попали въ крупныя величины, сдѣлались знаменитостями, другіе какъ то растаяли, третьи стушевались или все еще подаютъ надежды.

Публика „Вѣны“ пытливо разсматривала литераторовъ, желая найти среди нихъ С. М. Городецкаго. Тогда онъ входилъ въ моду. Его печатали лучшіе журналы, самъ онъ читалъ стихи съ эстрады, о немъ сильно говорила критика. Его стихи, такіе свѣжіе, яркіе, солнечные, заинтересовали и публику.

С. Городецкій появлялся въ „Вѣнѣ“ не часто, всегда съ кѣмъ нибудь изъ восходящихъ свѣтилъ или модныхъ литературныхъ именъ.

Высокій, немного сутулый, съ бѣлокурыми волосами, открытымъ добрымъ лицомъ—онъ соотвѣтствовалъ и своему творчеству наружностью. Глаза ясные, движенія размашистыя, губы наивно-дѣтски полуоткрытыя... Совсѣмъ славянинъ. Онъ не можетъ усидѣть спокойно на мѣстѣ. Волнуется, вскакиваетъ, горячится, споритъ. Литературу, поэзію и искусство любитъ безкорыстно, всей душой, но умѣетъ получить за трудъ хорошія деньги. Не было случая, чтобы С. Городецкаго обманулъ издатель.

Сидя въ „Вѣнѣ“, онъ все время зарисовывалъ въ свой альбомъ портреты пріятелей и карикатуры.

Видѣли въ „Вѣнѣ“ и А. Блока.

Съ рисунка П. Малецкаю. „ВѢНА“.

Поэтъ садился въ сторонѣ, одинъ или съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ друзей, не вступалъ въ споры и разговоры, молчалъ и наблюдалъ. Его поэзія слишкомъ интимна, глубока, „лична“,—таковъ и самъ Блокъ. Онъ замкнутъ въ себѣ и не разговорчивъ.

„Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ“...

И онъ строго бережетъ данный ему ключъ.

У него застывшее, спокойное блѣдное лицо, холодный взглядъ, неподвижная поза... Дома онъ носитъ суконную блузу, съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ, но въ Вѣну онъ приходилъ всегда въ оффиціальномъ сухомъ сюртукѣ.

Въ то разноцвѣтное бурное время Блока не понимали.

Одни старались искренно разгадать его странный „Балаганчикъ“, или не менѣе странную „Незнакомку“, другіе просто издѣвались и хохотали...

Съ рисунка И. Бродскаго. „ВѢНА“.

Съ рисунка П. Малецкаго. „ВѢНА“.

А Блокъ искренно, какъ будто молясь кому то невидимому, про себя, писалъ и неуклонно покорялъ общество тайной силой своего творчества.

Теперь нѣтъ издѣвающихся и хохочущихъ. Блокъ сталъ величиной перваго ранга, какъ и беллетристъ-драматургъ, юмористъ О. Дымовъ, любимецъ новаго читателя. Все есть у Дымова, въ самомъ маленькомъ разсказикѣ на триста строкъ есть и мистика, и гражданская скорбь, и лирика, и чистѣйшая поэзія, и богоборчество, и медицина, и астрономія.

О. Дымовъ знаетъ толпу и умѣетъ ее заинтересовать. Недаромъ, выступая конференсьеромъ на „Вечерахъ юмористовъ", онъ заставлялъ хохотать весь залъ своими остротами и словечками...

И пьесы его смотрятся съ неослабѣвающимъ, какъ пишутъ рецензенты, интересомъ, и въ „Сатириконѣ" надъ его разсказами думаютъ и грустятъ...

И въ „Вѣнѣ" О. Дымовъ всегда душа общества: онъ во время состритъ, оживитъ замолкшій разговоръ, найдетъ всегда занимательную тему бесѣды и спора.

Онъ, первый „пустившій" въ оборотъ маленькій фельетонъ, изъ всѣхъ литературныхъ собраній и въ „Вѣнѣ" дѣлалъ веселый маленькій фельетонъ,—изящный, легкій, искрящійся, живой...

Такую же роль объединителя литературныхъ силъ игралъ въ „Вѣнѣ" (вѣроятно и теперь играетъ) поэтъ-беллетристъ А. С. Рославлевъ.

Въ „Вѣнѣ" можно было увидѣть ежедневно его колоритную крупную фигуру или въ бархатномъ желтоватомъ сюртукѣ, или въ суконной блузѣ съ толстымъ шелковымъ шнуромъ-поясомъ...

Никто никогда не спрашивалъ (даже случайные посѣтители „Вѣны"),—кто это такой.

Всѣ знаютъ А. С. Рославлева по портретамъ, помѣщеннымъ въ журналахъ. А его фигура не забывается.

Какъ бы ни спрятался въ уголкѣ Рославлевъ, его отовсюду видно, какъ бы ни понижалъ онъ свой разговоръ до интимнаго шопота, все равно его вездѣ слышно, онъ вѣчно неугомоненъ, вѣчно полонъ разными планами, дѣлами, предпріятіями.

То онъ заводитъ журналъ, то альманахъ, то мечтаетъ о созданіи культурнаго, научнаго кинематографа; то возится съ изданіемъ своихъ

стиховъ или разсказовъ, то съ молодыми талантами, шумя, будируя, расхваливаетъ такого-то или такую-то.

Случись какое либо событіе въ литературномъ мірѣ, инцидентъ, „непріятность", Рославлевъ мчится въ „Вѣну".

Гремитъ телефонъ, летятъ записки,—и черезъ полчаса въ кабинетѣ идетъ горячее обсужденіе происшедшаго.

Отнимите у Рославлева интересы литературы и искусства,—онъ зачахнетъ.

Авторъ множества яркихъ, сочныхъ и свѣжихъ пѣсенъ буршей, пьяницъ, вѣрный рыцарь короля Гамбринуса, Рославлевъ однако самъ почти не пьетъ и избѣгаетъ всяческихъ богемскихъ инцидентовъ и эксцессовъ.

Онъ даже унимаетъ особенно пылкія головы отъ чрезмѣрнаго выраженія буйной радости или какого нибудь негодованія, трезво охлаждаетъ горячіе страстные „разговоры".

„Вѣна" видѣла Степаныча начинающимъ поэтикомъ призывныхъ стиховъ, видитъ его теперь развернувшимся талантливымъ беллетристомъ и поэтомъ, редакторомъ альманаха молодого издательства „Союзъ".

Видѣла „Вѣна" и П. П. Потемкина еще безвѣстнымъ студентомъ, начинающимъ свою карьеру сочиненіемъ странныхъ, полудекадентскихъ, полуюмористическихъ стихотвореній. Онъ не писалъ по примѣру всѣхъ тогдашнихъ начинающихъ поэтовъ стиховъ на политическія темы, не пѣлъ о соловьѣ и блаженствѣ свиданій. Потемкинъ воспѣвалъ красавицу парикмахерскую куклу, стоявшую въ витринѣ, пѣлъ о томъ, что „Папироска моя не курится, не знаю, съ кѣмъ буду въ эту ночь амуриться".

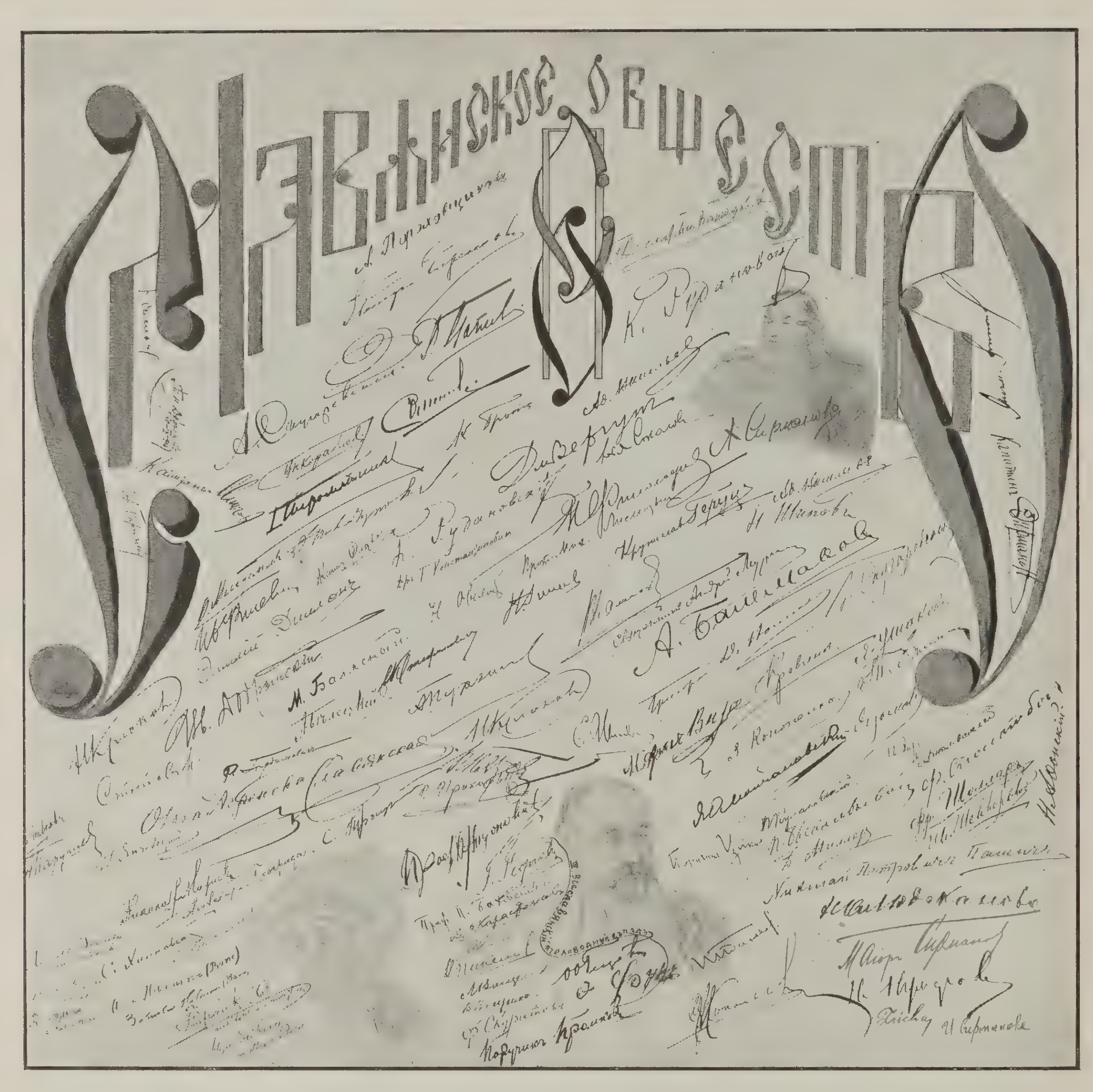
Книга его „Смѣшная любовь" произвела фуроръ. Все въ ней было необычайно, начиная отъ внѣшности, кончая страннымъ содержаніемъ.

Потемкинъ сталъ популярнымъ поэтомъ, его портреты продавались въ магазинахъ, о немъ говорила критика, имъ интересовалась публика. Позже онъ началъ работать въ „Сатириконѣ", „Аполлонѣ" и многихъ „декадентскихъ" журналахъ и альманахахъ, причемъ тайна его творчества остается и по сіе время тайной: что въ немъ серьезно, что—юмористика. Серьезное стихотвореніе написано шаловливо, юмористика—серьезно.

Потемкинъ до сихъ поръ не измѣнилъ „Вѣнѣ". Часто онъ тамъ съ сатириконцами, часто съ артистами „Кривого Зеркала", „Миніатюръ" и проч...

Съ рисунка Константинова. „ВѢНА“.

Плакатъ Славянскаго Общества. „ВѢНА“.

Съ рисунка

С. В. Животовскаго.

„ВѢНА“.

НАША ШЕСТАЯ ДЕРЖАВА.

По одиночкѣ шестая держава въ „Вѣнѣ“ бываетъ ежедневно.

Съ недавняго времени шестая держава начала посѣщать „Вѣну“ цѣлыми группами, редакціями, коллегіями.

Является передовой, занимаетъ кабинетъ, а потомъ, когда работа по выпуску номера газетъ заканчивается, шестая держава стекается въ „Вѣну“.

Починъ сдѣлали „Биржевыя Вѣдомости“, устроивъ тамъ нѣсколько своихъ семейныхъ собраній.

Бывали на нихъ имена знакомыя не только Петербургу, но и всей Россіи:

І. І. Ясинскій, проф. М. П. Чубинскій, К. И. Арабажинъ, А. А. Измайловъ, М. М. Гаккебушъ, А. Н. Будищевъ, Дм. Цензоръ, Н. П. Ашешовъ, Г. В. Лихачевъ, А. М. Оссендовскій, П. А. Васильевъ, Вл. Ѳ. Боцяновскій, В. А. Тихоновъ, Н. П. фонъ-Гукъ, А. В. Швыровъ, Е. Н. Инсаровъ-Шелькингъ, М. М. Кояловичъ, К. Я. Эттингеръ, С. Н. Жуковъ, С. С. Ковырковъ, Е. В-ій, Н. Я. Агнивцевъ, д-ръ Фрикенъ, Вас. Регининъ, Г. Л. Кирдецовъ, И. Д. Новикъ, В. А. Поляковъ, М. М. Гутманъ, К. М. Пономаревъ, И. М. Василевскій, С. В. Животовскій, Н. Н. Брешко-Брешковскій.

О каждомъ изъ такихъ посѣщеній остались на память плакаты съ рисунками С. В. Животовскаго и автографами участниковъ.

Одинъ плакатъ съ изображеніемъ бѣгущаго газетчика виситъ въ общей залѣ „Вѣны". Вокругъ него стихи и проза сотрудниковъ „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Тѣсное единеніе „Биржевой" семьи никогда однако не тянулось далѣе часу ночи.

До этого времени пѣли итальянскія баркароллы, французскія пѣсенки, А. В. Швыровъ разсказывалъ что нибудь, отчего всѣ катались по полу, Вас. Регининъ игралъ на піанино „какъ баба за водой ходитъ", какъ ребята горохъ воруютъ, показывая все это въ лицахъ, затѣмъ плясали: кто тарантеллу, кто кэкъ-уокъ, В. Ф. Богацкій—danse de ventre, Регининъ—танецъ среди мечей и джигу, кто русскую.

Потомъ всѣхъ тянуло въ общую залу.

Разсыпались сначала по небольшимъ группамъ, мало-по-малу соединялись,—позже цѣлыхъ два часа были однимъ цѣлымъ.

По той же программѣ проходили собранія и редакцій другихъ газетъ.

Собирались и „еженедѣльники".

Особенно часто можно было видѣть въ „Вѣнѣ" журналъ „Весь міръ".

Отдыхали въ „Вѣнѣ" сотрудники покойнаго „Вечера": Л. Е. Габриловичъ, Е. Ю. Юльяновичъ, В. В. Елаго, Л. Ю. Гольштейнъ, И. М. Василевскій, Л. Л. Баумгартенъ, Н. М. Николаевъ, С. С. Марковъ, О. М. Ястребцова, покойный К. М. Фофановъ, А. Б. Коринфскій...

Это вообще стало правиломъ:

— Если ты трубочистъ,—лѣзь на крышу, пожарный стой на каланчѣ,—литераторъ или журналистъ—ступай въ „Вѣну".

И никто противъ сего правила не пошелъ.

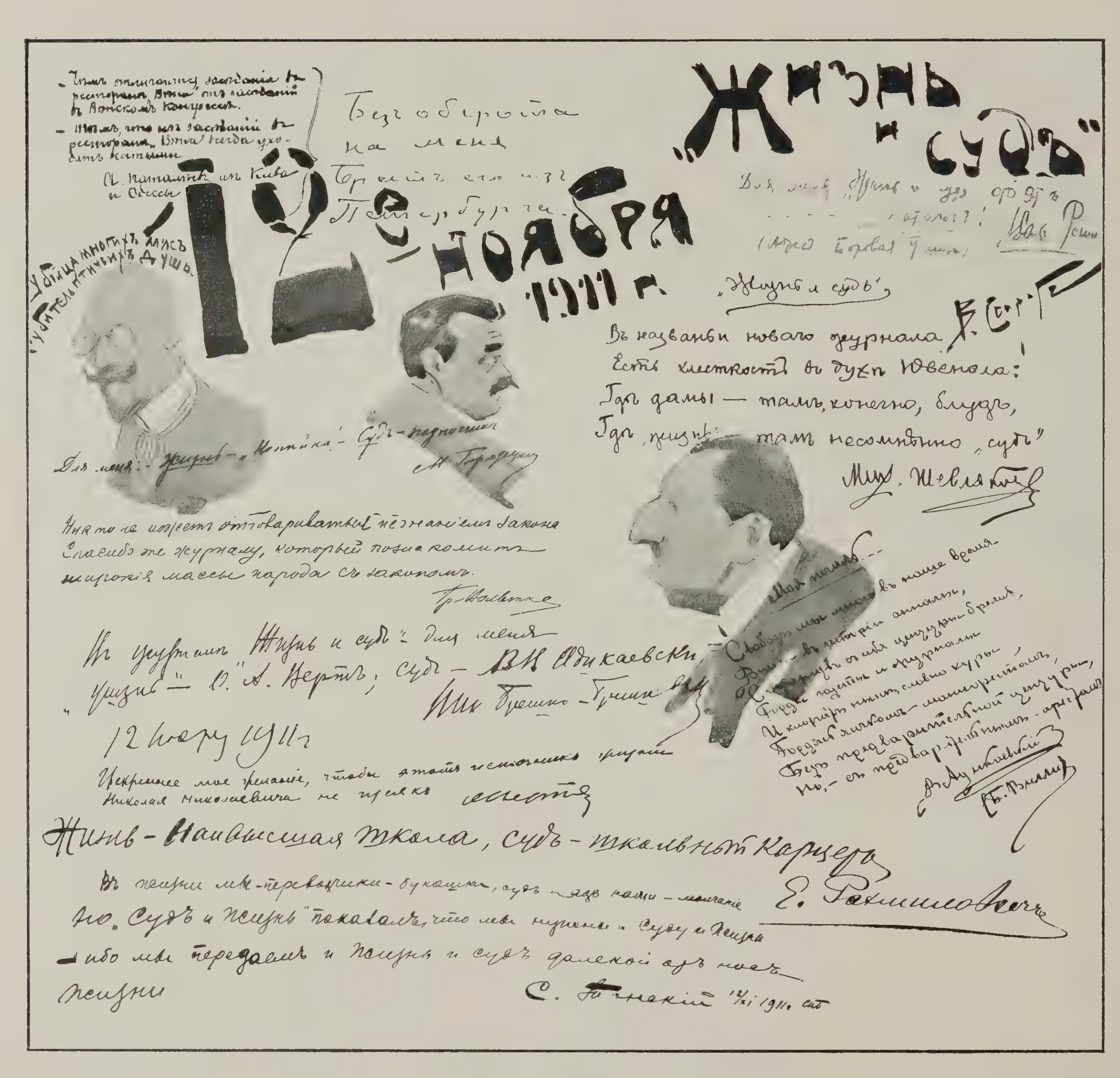
Быть причастнымъ къ литературѣ и не побывать въ „Вѣнѣ"— все равно что „быть въ Римѣ и не видѣть папы"...

Пошло какъ-то такъ, что ни въ редакціи, ни въ конторѣ, ни на квартирѣ не переговоришь такъ съ нужнымъ человѣкомъ, не отдохнешь такъ, какъ въ „Вѣнѣ".

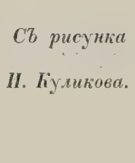
Пошло и въ традицію вошло, и никто противъ этого ничего не имѣетъ.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Съ рисунка
И. Куликова.

АРТИСТЫ и „ВѢНА“.

Тоже давно въ бытъ вошло и бытомъ стало, чтобы тотчасъ какъ разгримировался, такъ и съ ультиматумомъ къ извозчику:

— Въ „Вѣну“ сорокъ копѣекъ. Принципіально дороже не плачу. Въ „Вѣну“ обязательно.

Такъ и въ бытъ вошло и бытомъ стало: всѣ артисты въ „Вѣнѣ“.

Они тамъ давно. Какъ литераторы пошли, такъ и артисты,— а можетъ быть и наоборотъ.

Славу „Вѣнѣ“ дѣлали піонеры: Ѳ. И. Шаляпинъ, Н. П. Мальскій, І. В. Тартаковъ, Л. В. Собиновъ, В. В. Андреевъ, Мячинъ, Хворостовъ, Д. А. Смирновъ, Витингъ, Н. Н. Ходотовъ, Юрій Бѣляевъ, Ю. Д. Протопоповъ, В. В. Матвѣевъ, П. З. Андреевъ, П. И. Мельниковъ, Н. Н. Фигнеръ. За ними и пошло.

А потомъ ужъ гораздо труднѣе стало сказать, кто изъ артистовъ не былъ въ „Вѣнѣ“, чѣмъ про тѣхъ, кто бывалъ и сталъ постояннымъ посѣтителемъ.

Съ рисунка М. Шафрана.

„ВѢНА“.

„ВѢНА“ и ГУРМАНЫ.

Ни среди литераторовъ, ни среди артистовъ, или художниковъ, туземцевъ „Вѣны“, нѣтъ особо тонкихъ гурмановъ—гастрономовъ.

Поѣсть и хорошо поѣсть любятъ всѣ, и аппетиты, за немногими исключеніями, у всѣхъ прекрасные, но всѣ они почти никогда не задумываются надъ картой, не затрудняютъ себя выборомъ оригинальныхъ блюдъ и винъ.

Кое-кто изъ хохловъ, какъ напр. А. Аверченко, Б. А. Лазаревскій, А. В. Швыровъ, Н. Н. Герардовъ, умѣютъ и заказать блюдо, и выбрать, и придумать всегда что нибудь новое...

Остальные относятся къ меню весьма равнодушно.

„Вѣна“ вообще кормитъ прекрасно, всѣ знаютъ, что никакой фальсификаціи въ „Вѣнѣ“ нѣтъ, что поваръ тамъ превосходно знаетъ свое дѣло,—значитъ и нечего тутъ особливо мудрить и ломать голову.

Было бы общество, былъ-бы хорошій пріятель рядомъ, было-бы уютно, весело, хорошо.

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Eva

Lehár

St Petersburg 30 I 912

!!! Hoch lebe das Wiener-Restaurant
Und unser Direktor mit dem grauen
Vollbart !!!

Wir sind besoffen
das ist wahr
doch hoch soll leben
Herr Lehar

Chi non canta
ignora l'amor

D Smirnoff

Rudolph

Hoch!!!

Petersburg, 19. Februar 1912

!! Hoch lebe dass Wiener Restaurant
und die besoffenen Wienerinnen

Petersburg 19. Februar 1912

Schalk
Wieneroperette

Meta Lenzen.

St. Petersburg 27 Febr 1912

Wiener Operette

Hört! Ich soll nen Reim ersinnen!
Von den schönen Wienerinnen
„Hörten wir die „Eva"
An dem Strand der Newa"
„Au"

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА".

А за остальное ручается Иванъ Сергѣичъ, „губитель птичьихъ душъ, убійца многихъ мясъ“, который „кормитъ насъ, какъ женскій монастырь не кормитъ архиреевъ“...

Литераторы за то умѣютъ выдумывать себѣ „закуски“. Иные комбинируютъ растертыя шпроты съ икрой и лимономъ, другіе сдабриваютъ и безъ того острый салатъ какимъ-нибудь перцемъ, третьи сами себѣ приготовляютъ рыбу въ винѣ.

Нѣкоторые берутъ исключительно хохлацкія блюда, другіе—кавказскія,—третьи предпочитаютъ національныя.

Писатели-гастрономы—А. Т. Аверченко и Б. А. Лазаревскій: у нихъ ежедневно новыя блюда и неистощимая фантазія по изобрѣтенію новыхъ.

Много новаго въ кулинарное искусство внесли Л. Н. Аннибалъ и В. А. Регининъ.

Въ долгіе зимніе вечера, засѣвъ въ укромный уголокъ, эти гастрономы-литераторы начинаютъ неторопливо обсуждать меню. Каждое блюдо разсматривается всесторонне и отвергается, или принимается, а большею частію—„реформируется“ по своему собственному вкусу.

Изъ постоянныхъ „туземцевъ“ „Вѣны“, не принадлежащихъ къ литературному или артистическому мірамъ,—много гурмановъ военныхъ, моряковъ и представителей чиновнаго и торговаго міровъ.

У всѣхъ у нихъ есть свои блюда, какъ и свои старыя насиженныя мѣста, свои любимые оффиціанты, свои сигары и вина. Имъ не нужно говорить оффиціанту, что хочется съѣсть;—ихъ вкусы извѣстны,—достаточно кивнуть головой на молчаливый вопросъ оффиціанта.

Масса моряковъ, вернувшись изъ плаванія, спѣшатъ немедленно посѣтить „Вѣну“, увидѣть знакомыхъ, сѣсть на любимое мѣсто, и безъ всякихъ напоминаній, получить „свое“ блюдо.

Другіе, привыкнувъ къ кушаньямъ другихъ странъ, ѣдутъ въ „Вѣну“ въ полной увѣренности, что найдутъ тамъ обѣдъ и ужинъ въ любомъ „стилѣ“.

Въ этомъ отношеніи „Вѣна“ интернаціональна.

Не похожа она на другіе рестораны въ томъ отношеніи, что у нея нѣтъ спеціальныхъ ея собственныхъ „Вѣнскихъ“ блюдъ.

Поваръ „Вѣны“ В. И. Алферовскій не потратилъ таланта на одно только блюдо.

Съ рисунка

Д. Прокофьева.

„ВѢНА“.

„ВѢНА“ и „НОВОЕ ИСКУССТВО“.

Въ 1912 году въ Россіи была основана Академія Эго-Поэзіи (Вселенскій футуризмъ).

Предтечами этой поэтической группы „Новаго Искусства“ были названы Мирра Лохвицкая и К. М. Фофановъ.

Правда, покойники и по таланту, и по сущности своей поэзіи имѣютъ весьма мало общаго съ дерзкими молодыми поэтами, но ихъ роднитъ, можетъ быть, старый припѣвъ—„Искусство ради искусства“.

Въ ректоратѣ Академіи числятся: Игорь Сѣверянинъ, Константинъ Олимповъ (К. К. Фофановъ), Георгій Ивановъ и Грааль Арельскій.

Академія съ перваго же дня своего существованія обратила на себя вниманіе критики и общества.

Поэты не пошли по обычному пути начинающихъ стихотворцевъ; они начали печатать свои стихи отдѣльными брошюрками въ четыре, шесть страницъ съ эффектными названіями, ошарашивающей цѣной и различными анонсами на обложкѣ. Брошюры разсылались буквально по всѣмъ редакціямъ столицы и провинціи, — и пресса заговорила... Поднялся невообразимый хохотъ. Каждый репортеръ внесъ свою лепту въ общую кассу помой, издѣвательства и насмѣшки надъ Эго-поэтами.

Поэты еще пуще раззадоривали прессу, съ каждымъ новымъ выпускомъ изощряя оригинальность въ стихахъ и прозѣ...

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

[illegible] one of the finest in Russia
We enjoyed our meals here immensely and hope to have the pleasure of eating here again
8/9/11
[illegible]
New York
[illegible]

Oh ce navire fait le voyage sacré!
C'est ascention bleue à son premier degré
Hors de l'antique et vil decombré
Hors de la pesanteur c'est l'avenir fondé
C'est le destin de l'homme à la fin évadé
Qui lève l'ancre et sort de l'ombre
(La legende des siecles
Victor Hugo)
Инженеръ-аэронавтъ пилотъ и конструкторъ. Вас. Майоровъ
7 іюля 1911.

[illegible] 1911.

Писатели земли русской! даже въ „Вѣнѣ“ сидя, не забывайте о низахъ и долинахъ народныхъ!
Наивный провинціалъ М. Касаткинъ.
Примѣчаніе. Слова: „наивный провинціалъ“, вписанные при третьемъ посѣщеніи „Вѣны“, прошу считать дѣйствительными. М. К.

Лошади лучше чѣмъ люди
[illegible]

320 Я знаю лучше „Вѣны“ много ресторановъ, еще больше ресторановъ [illegible], которые хуже „Вѣны“. но равнаго ей не знаю. Въ „Вѣнѣ“ [illegible]
А. Пеликанъ

Ricordo che lascio questa sera in compagnia del celebre Poeta [illegible] e viva la [illegible]
Giacomino

Покореніе воздушной стихіи — вѣнецъ человѣческаго генія.
Да здравствуютъ, способствующіе побѣдѣ!!!!
М. [illegible]

В. Лебедевъ

Пилотъ-авіаторъ Лидія Зверева
Пилотъ авіаторъ В. [illegible]
Пилотъ авіаторъ [illegible]
Пилотъ авіаторъ [illegible]
Инженеръ-Авіаторъ [illegible]
Пилотъ Авіаторъ Р. [illegible]
[illegible]

Хорошо говорятъ изъ птицъ только попугаи, но они плохо летаютъ, авіаторы же должны хорошо летать, а не говорить!
(Вильбуръ Райтъ)

Экспромты и наброски моихъ гостей. „ВѢНА“.

Кромѣ того по редакціямъ разсылались и особыя извѣщенія о новостяхъ среди эго-футуристовъ: ихъ злобы дня, банкеты, „поэзо-концерты“ и т. п... Сообщалось, что Игорь Сѣверянинъ выѣхалъ на мызу Ивановку, что К. Олимповъ носитъ воротнички № 37, что Гр. Арельскій имѣетъ лѣтнюю резиденцію въ Шуваловѣ и т. д. и т. д...

Скоро у эго-поэтовъ стала выходить своя газета „Петербургскій Глашатай“ подъ редакторствомъ И. В. Игнатьева.

Органъ Академіи бойко повелъ полемику, началъ проводить принципы Футуро-поэзіи и печатать новости своей литературы. Футуристы съ самаго начала совершенно обособились отъ прочихъ поэтовъ: все у нихъ было оригинально и интригующе-красиво.

Но... „Вѣна“ всетаки привлекла и этихъ непокорныхъ капризныхъ фантазеровъ, и футуристовъ „потащило“ на люди.

Академія Эго-Поэзіи была основана въ одномъ изъ кабинетовъ „Вѣны“. Разсказать языкомъ простого смертнаго объ этомъ событіи весьма трудно. Нашъ языкъ какъ то блѣденъ, немоченъ, безсиленъ для описанія пленарнаго собранія Эго-поэтовъ, гдѣ вырабатывались ихъ принципы и главныя положенія ихъ школы.

Для болѣе сноснаго ознакомленія общества съ этимъ событіемъ, мы приводимъ воспоминанія одного изъ участниковъ перваго генеральнаго засѣданія футуристовъ.

Было холодно. Было тихо. Было темно.

И только удары колокола гдѣ-то въ далекой выси отчеканили четко десять пѣвучихъ ударовъ.

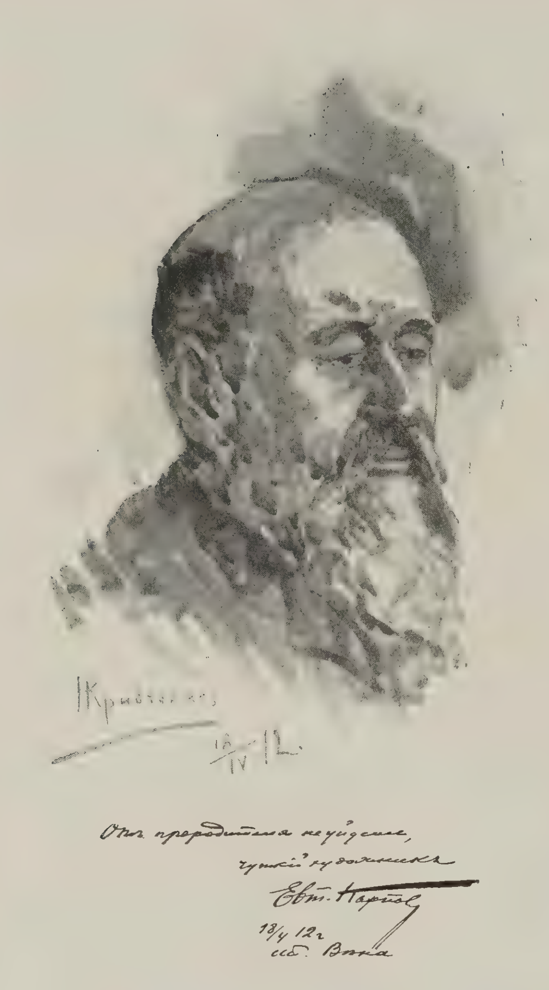
Изъ-за крутого канала вынырнула звонкою прорѣзью сначала одна, потомъ другая, потомъ третья нарядная тройка.

На жуткой набережной онѣ выравнялись въ непрерывную, напряженную линію и оснѣживали морозистый воздухъ клубами инейнаго конфетти. Первыя сани, закутанныя мѣхово, вихрили буйственно директора „Глашатая“ И. В. Игнатьева-Казанскаго, Игоря Сѣверянина, Жозефину Лемье и Олимпова.

— Внимательность,—раздалось изъ устъ Олимпова. Онъ началъ свою поэзу.

„Тройка въ тройкѣ колокольной,
Громко, звонко пьяной тройкѣ.
Колокольни колокольнѣй
Колокольчикъ бойкой тройки.
Въ тройкѣ тройка, пой какъ тройка,
Звонко, громко, пьяно, тройко.

Колокольчикъ колокольный
Колокольни колокольнѣй...
Колокольчикъ звонче тройки,
Колокольня колокольня,
Тройка тройкой колокольнѣй.
Въ тройкѣ тройка пьяной тройки“...

Портретъ Е. П. Карпова. Съ рисунка Н. И. Кравченко. „ВѢНА“.

Прислужниками „Вѣны“ сервировались столы въ восьмомъ кабинетѣ, а въ девятомъ у вселенскихъ эго-футуристовъ, дебатировался завтрашній выходъ эдиціи.

— Я буду кратокъ, — увертюрилъ ассоціацію директоръ Игнатьевъ. Всѣ, здѣсь присутствующіе, суть эго-футуристы, посему градація и грандизація скрижалей грядущаго осознанія искусства излишни, — я буду кратокъ.

Солидарный съ вселенскимъ эго-футуризмомъ, я имѣю въ виду единый лишь подвигъ — проведеніе къ трону искусства правоспособной властительницы — Золушки, забытой и забитой по странной случайности Мачехой-Судьбой.

Итакъ, мое мѣсто у руля флагманскаго корабля эго-футуризма — „Петербургскій Глашатай“. Завтра 11-го Февраля 1912 года, мы выходимъ въ открытое море.

Сосьетеры немолчно апплодисментили директору.

Благодаря первому совмѣстному появленію эго-футуристовъ въ „Вѣнѣ“, многочисленные представители русской литературы удостоились познакомиться съ вождями новой мощной школы.

Руку директора и сосьетеровъ имѣли удовольствіе пожать: Леонидъ Андреевъ, Вячеславъ Ивановъ, А. И. Купринъ, Мандельштамъ, Герсонъ (Зрячій), Дядя Михей, Сергѣй Городецкій, Чуковскій, и Ѳома Райлянъ. Тутъ же возились съ фотографическими аппаратами сотрудники Буллы и Оцупа.

Впластинясь въ нѣсколькихъ позахъ, эго-футуристы и не эго-футуристы направились въ смежные аппартаменты ужинать. Редакціонная семья провела въ интимной бесѣдѣ большую часть утра.

Съ рисунка Ю. Клевера. „ВѢНА“.

ХУДОЖНИКИ.

Когда тихо скромно и незамѣтно открылась десять лѣтъ тому назадъ на улицѣ Гоголя „Вѣна“, помѣщеніе было маленькое: теперешнимъ большимъ заломъ все кончалось—и кабинетовъ было что то не больше шести, семи.

Иванъ Сергѣевичъ, хотя онъ и теперь человѣкъ молодой, тогда былъ совсѣмъ молоденькій. Для усиленія красокъ мнѣ хотѣлось бы сказать, что Иванъ Сергѣевичъ въ то время ходилъ въ матросской курточкѣ, но правдивость и безстрастность, которыя руководятъ мной въ изложеніи настоящаго очерка, удерживаютъ меня отъ этого сильнаго преувеличенія.

Обѣды и завтраки съ самаго начала были хорошіе и вкусные, водка всегда холодная, батарейная часть разнообразная, а Иванъ Сергѣевичъ привѣтливый и ласковый.

Съ рисунковъ И. Куликова. „ВѢНА“.

Съ рисунка А. А. Писемскаю. „ВѢНА“.

Съ рисунка В. И. Зарубина. „ВѢНА“.

Какъ то сразу всѣ привыкли къ „Вѣнѣ“—начали туда ходить насиживать себѣ мѣста, кто у окна, кто у буфета, и незамѣтно старые кумиры Ярославецъ и Лейнеръ стали все дальше и дальше уходить изъ обихода многихъ, а скоро и совсѣмъ вышли изъ привычки, уступивъ мѣсто „Вѣнѣ“.

У „Вѣны“, конечно, одновременно съ друзьями появились и враги, непримиримые, не понимающіе, какъ можно туда ходить. Я думаю, что имъ не по вкусу пришелся этотъ неуловимый тонъ свободы и сжитости, такъ сказать, посѣтителей съ рестораномъ, которыя въ однихъ ресторанахъ проявляются въ скандальномъ разгулѣ, а въ другихъ въ торжественномъ великолѣпіи, съ которымъ распорядитель и нѣсколько лакеевъ ублажаютъ какого нибудь чревоугодника. Кто ищетъ того, или другого, тому понятно въ „Вѣнѣ“ будетъ не по себѣ, но... свѣтъ не безъ добрыхъ людей—нашлось много—очень много такихъ, про которыхъ французы говорятъ: „Oh c'est un brave garçon“, и они полюбили „Вѣну“ и сдѣлались ея вѣрными друзьями.

Въ подавляющемъ большинствѣ теперь это художники, артисты и писатели, но въ началѣ это не было такъ рѣзко выражено; правда, изъ художниковъ чуть не съ первыхъ дней зачастилъ сюда Писемскій, смущая публику своими сигарами, ходилъ Захарьинъ, еще кое кто, но было ихъ не такъ много—потомъ только мало по малу—одинъ за другимъ потянулись художники въ „Вѣну“, а теперь они тутъ свои люди.

На улицѣ грязь, съ неба сыплется что то спеціально петербургское, на душѣ тоже смутно и тоскливо, къ знакомымъ не тянетъ—и идутъ себѣ художники въ „Вѣну“, размѣщаются у столиковъ, и незамѣтно за коньякомъ, или шипучимъ мозельвейномъ, или за чѣмъ другимъ коротаютъ время до поздней ночи и уходятъ послѣ закрытія—(только я лучше не буду описывать этого момента).

Всякій посѣтитель „Вѣны“, если онъ только художественно образованъ, не можетъ не изумиться при видѣ богатаго собранія картинъ Ивана Сергѣевича.—„Гдѣ Вы все это нашли?“—спроситъ иной. Но отвѣта никто на вопросъ этотъ не получитъ—Иванъ Сергѣевичъ улыбнется загадочно своей свѣтлой улыбкой и переведетъ разговоръ на другое.

А я вамъ дамъ сейчасъ точное и исчерпывающее объясненіе. Петербургскаго художника можно сравнить со скрипачемъ, у котораго отняли скрипку, съ пѣвцомъ, который простудился и говоритъ шопо-

томъ, и такъ далѣе—посудите сами: просыпается утромъ художникъ, думаетъ взяться за работу и что же?.... источникъ радостей и жизни свѣтлѣйшее солнце совершенно забыло свои прямыя обязанности и занимается неизвѣстно чѣмъ. Городъ во мракѣ, птицы безпомощно носятся въ воздухѣ, не зная гдѣ опуститься, лошади и люди въ страхѣ прижимаются къ заборамъ (описаніе заимствовано изъ географіи Янчина) — однимъ словомъ темно, а въ потемкахъ писать очень и очень трудно, хотя я глубоко убѣжденъ, что нѣкоторые художники пишутъ въ потемкахъ, но зато у нихъ и получаются зеленыя, или красныя лошади, люди выходятъ лиловыми, и вообще очень много страннаго получается отъ писанія въ потемкахъ.

Съ рисунка А. Любимова. „ВѢНА“.

Художники другого лагеря, т. е. пишущіе только при свѣтѣ, обыкновенно, насколько я знаю, когда видятъ темноту, отправляются сейчасъ же въ „Вѣну“ и начинаютъ пить коньякъ, и, смѣю Васъ увѣрить, послѣ извѣстной дозы, все становится совершенно ясно видно, и вотъ тогда то у Ивана Сергѣевича они берутъ кусокъ хорошаго картона, акварели или карандашей (все это спрятано около лѣваго телефона въ маленькой будкѣ), и пишутъ такъ, какъ будто при солнцѣ.

Такъ ростетъ и обогащается собраніе Ивана Сергѣевича.

Съ рисунка
М. Соломонова.
„ВѢНА“.

— Бывали ли Вы въ „Вѣнѣ“ по пятницамъ часовъ, такъ около двѣнадцати? Совѣтую посмотрѣть. Изъ Куинджевскаго общества послѣ собранія приходятъ тогда въ „Вѣну“ художники, человѣкъ иногда сорокъ, но что это за картина! Тамъ и Зарубинъ, и Рыловъ, и Мардеросовъ, Бродскій, Вещиловъ, Колесниковъ Степанъ, Чепцовъ, Харитоновъ, Дряпаченко, Горбатовъ, Куликовъ, т. е. вѣрнѣе Jean Koulikoff, да всѣхъ и не назовешь.

Лица все открытыя, озаренныя внутреннимъ свѣтомъ—и вотъ они приступаютъ къ скромной товарищеской трапезѣ (конечно художники, а не лица); подкрѣпившись немного легкой полезной для здоровья

Вѣнской пищей, они переходятъ въ кабинетъ, и вотъ тутъ то и начинается настоящая дружеская бесѣда, которую, конечно, описать я не въ силахъ.

Чаще всего тамъ именно создаются тѣ прекрасныя картины, которыя Вы видите въ общихъ залахъ.

Да! много творческихъ мгновеній переживается въ „Вѣнѣ".

Но вотъ мало по малу прибываетъ дня, на улицахъ весенняя грязь и потоки, небо ясное безмятежное, изъ Москвы передвижники пріѣхали—Жуковскій, Бируля, Моравовъ, Богдановъ-Бѣльскій, Пимоненко, Волковъ Ефимъ, еще нѣсколько—заняли большой столъ и обѣдаютъ. Скоро значитъ и скворцы прилетятъ.

Сидишь за столикомъ и поджидаешь кого нибудь. Къ шести часамъ приходитъ Крачковскій во фракѣ, съѣдаетъ дюжину устрицъ и ѣдетъ дальше, а тамъ, смотришь, подбираются одинъ за другимъ то тотъ, то другой, размѣщаются за столиками и закипаетъ обычная свободная Вѣнская жизнь.

Съ „Вѣной" многіе сжились.

Пожелаемъ же ей еще многихъ счастливыхъ десятилѣтій...

Художникъ.

Съ рисунка Е. Волкова.

„ВѢНА".

Съ рисунка Д. Прокофьева.

„ВѢНА“.

ПРИВѢТСТВІЯ ПО СЛУЧАЮ ДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ РЕСТОРАНА „ВѢНА“.

Милый

Иванъ Сергѣевичъ,

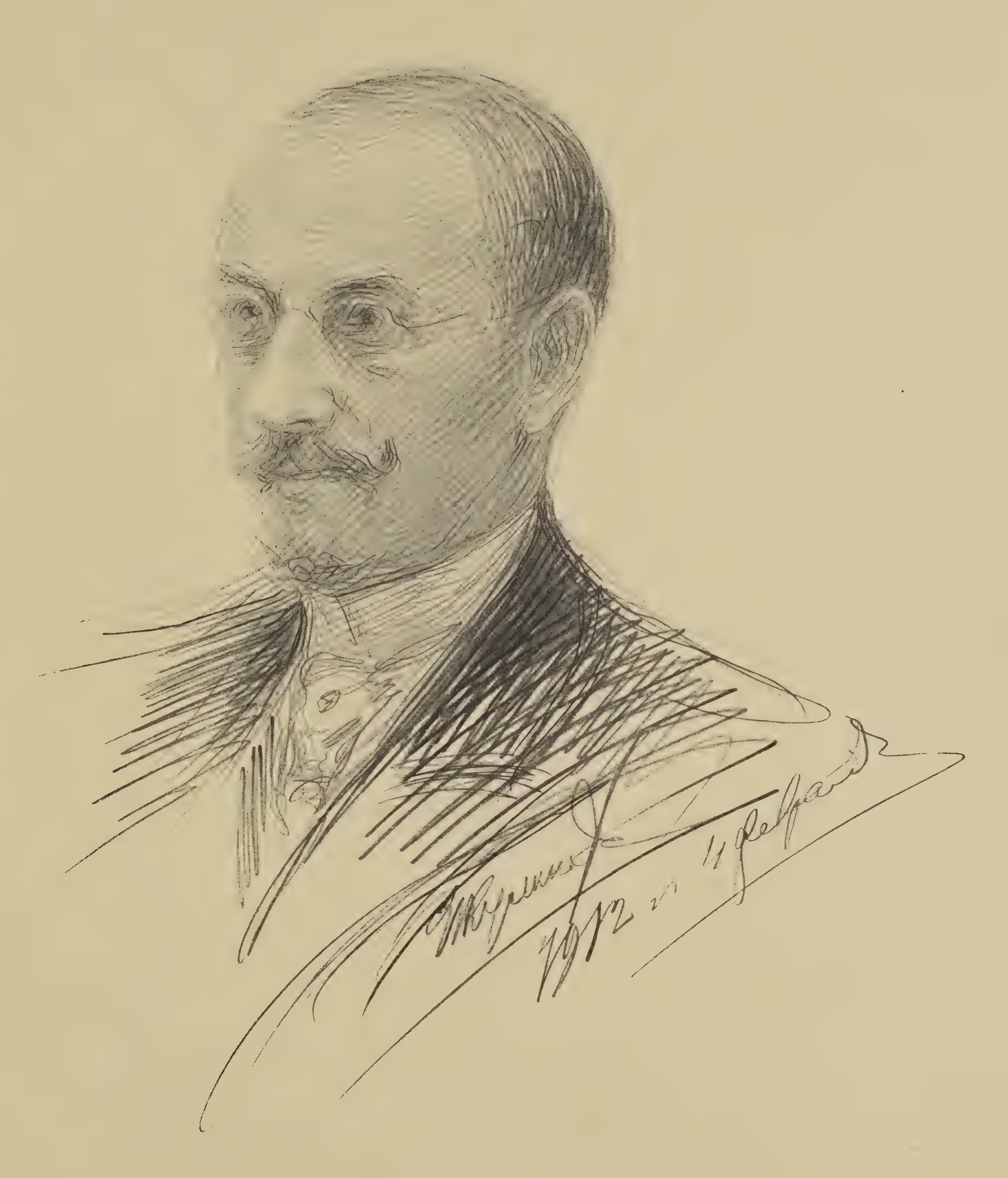
Великій персидскій поэтъ Гафизъ однажды сказалъ:

„Льву—пустыня,
„Орлу—воздухъ,
Гафизу—духанъ“.

Къ этой мимолетной, но, однако, полной большого смысла шуточкѣ мнѣ нечего прибавить, кромѣ благодарности Вамъ за радушное гостепріимство, за вниманіе къ намъ, литературнымъ бездомникамъ и, въ душѣ, всегда бродягамъ, за снисходительное отношеніе къ нашимъ шалостямъ.

Вашъ сердечно

А. Купринъ

Владѣлецъ „ВѢНЫ", Иванъ Сергѣевичъ СОКОЛОВЪ".

Съ рис. И. Куликова. „ВѢНА".

Милый Иванъ Сергѣевичъ!

Я лично въ „Вѣнѣ“ всегда отдыхалъ. Былъ у меня здѣсь одинъ страшный вечеръ, но только одинъ, зато было въ итогѣ не менѣе 365 свѣтлыхъ дней и вечеровъ, проведенныхъ съ милыми и дорогими людьми. Гдѣ бы я ни былъ и кажется въ самой могилѣ—добромъ буду поминать „Вѣну“ и ея создателя.

1913 года, марта 29.

Борисъ Лазаревскій

Искреннее спасибо И. С. Соколову за то вниманіе, съ которымъ онъ всегда относится къ посѣщающей „Вѣну“, литературно-театральной семьѣ, не зная, какъ угодить намъ. А угодить намъ мудрено. Удивляюсь его терпѣнію.

1913 г.

А. Плещеевъ

Насколько ненавистна мнѣ Вѣна Габсбурговъ, настолько же люблю „Вѣну“ И. С. Соколова.

Александръ Потемкинъ

Юбилей ресторана...

У многихъ это вызоветъ кислую улыбку. Эти многіе „присохли къ мѣсту“ и никакъ не могутъ понять, что ресторанъ есть противоядіе для семейныхъ отъ домашней отравы всякими невзгодами и противоядіе для холостыхъ отъ сплина и смертной скуки.

Десять лѣтъ тому назадъ открылся ресторанъ „Вѣна“.

По этому поводу припоминается слѣдующее.

Когда то Бараковъ первымъ показалъ, какъ надо содержать рыбную лавку.

Потомъ Рогушинъ показалъ, какъ надо содержать мясную.

Быстровъ первымъ открылъ въ Петербургѣ образцовое бюро похоронныхъ процессій.

А Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ первымъ показалъ, какъ надо содержать недорогой ресторанъ перваго разряда съ отличной кухней, добросовѣстнымъ погребомъ, превосходнѣйшимъ пивомъ и честной прислугой.

Привыкли говорить, что въ ресторанахъ отравляютъ.

Нѣтъ, если бы директоръ городского ломбарда Серебряковъ обѣдалъ въ „Вѣнѣ", а не дома, его не отравили бы!

Нѣтъ, умершій годъ тому назадъ, инженеръ Лунинъ отравленъ былъ домашнимъ обѣдомъ, а не въ „Вѣнѣ".

Такихъ случаевъ много, но нѣтъ ни одного случая, чтобы кого-либо отравили въ „Вѣнѣ".

Затѣмъ.

Куда ткнешься лѣтомъ, когда семья на дачѣ, а голодъ даетъ о себѣ знать при наличности одной „тройчатки"?

Конечно, въ „Вѣну".

Счетъ:

Завтракъ	75	копеекъ.
Графинчикъ водки	40	„
2 кр. пива	20	„
На чай слугѣ	20	„
На чай швейцару	15	„
Итого	1 рубль 70	коп.

Къ этому еще въ премію десятки газетъ и журналовъ. Читай на здоровье!

Конечно, Ивану Сергѣевичу Соколову не важно жилось бы, если бы въ его „Вѣну" всѣ приходили съ одной „тройчаткой"; симпатіи къ нему кроются именно въ томъ, что Z., X., N. и пр., имѣвшіе вчера лишь по 3 рубля, ѣдутъ сегодня въ „Вѣну" съ сотнями.

Въ „Вѣнѣ" собираются не только писатели, адвокаты, артисты и художники, но и люди коммерческіе, и если бы Иванъ Сергѣевичъ кормилъ ихъ даромъ, а получалъ бы только попудный сборъ съ за-

Плакатъ Депутатовъ III–го созыва. „ВѢНА“.

Плакатъ блока К. Д. и Прогрессистовъ. „ВѢНА“.

проданныхъ и закупленныхъ въ его ресторанѣ товаровъ, то онъ былъ бы милліонеромъ.

Гдѣ встрѣчаются писатели, адвокаты, артисты, художники, офицеры, инженеры?—Въ „Вѣнѣ“!

Гдѣ происходятъ дѣловые завтраки, обѣды и ужины?—Въ „Вѣнѣ“!

Куда не стыдно поѣхать съ женой?—Въ „Вѣну“!

А не съ женой?—Опять таки въ „Вѣну“, но только съ второго подъѣзда: прямо въ кабинетъ попадешь!

Игн. Герсонъ.

Успѣхъ—дитя упорнаго труда
Пусть украшаетъ васъ всегда!

3 февраля 1913 г.

Въ „Вѣну“ когда не заглянешь, первое впечатлѣніе—нѣтъ мѣстечка приткнуться. Но черезъ минуту-двѣ и тебѣ ставятъ приборъ „на жизненномъ пиру“ у И. С. Соколова, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ кормятъ вкусно, „безъ послѣдствій“.

Въ „Вѣнѣ“ не повторишь рѣченія И. Ѳ. Горбунова: „По этому прейсъ-куранту намъ пить никакъ невозможно“.

Въ „Вѣнѣ“ всегда оживленно, весело.

Въ „Вѣнѣ“ въ подавляющемъ большинствѣ благовоспитанная, часто талантливая демократія.

Въ „Вѣнѣ“ по добродушію, доброжелательству къ сосѣдямъ толпа напоминаетъ толпу хорошихъ ресторановъ Парижа.

Въ „Вѣнѣ“ учтивая, добросовѣстная прислуга, не обсчитывающая охмелѣвшихъ гостей.

Въ „Вѣнѣ“, гдѣ нѣтъ оркестра, лучшій во всемъ мірѣ и его окрестностяхъ капельмейстеръ Иванешти Соколеско, или по просту Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ.

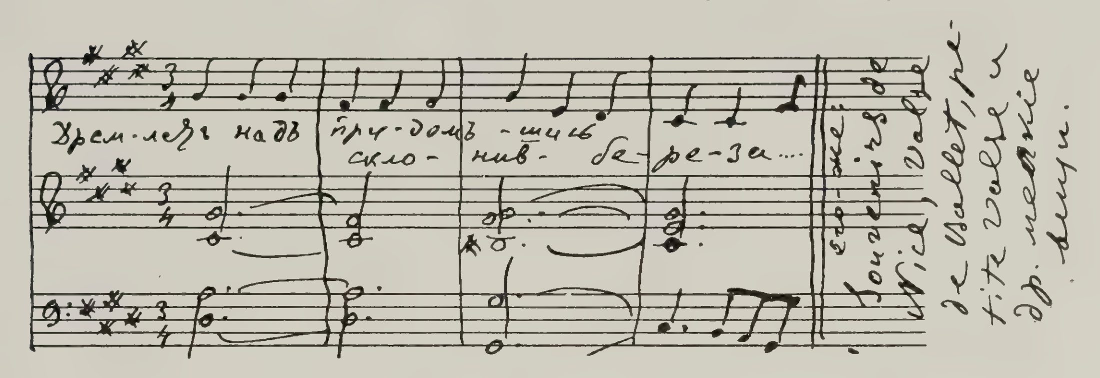
Въ „Вѣну“ только я хожу со своею законною половиною, хожу десять лѣтъ и эгоистично желаю ходить еще по крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ при томъ, конечно, условіи, что Иванъ Сергѣевичъ въ угоду своимъ друзьямъ не разстанется съ дирижерскою палочкою.

Всегда благодарный Ивану Сергѣевичу за предупредительность, вниманіе и радушіе.

12 февраля 1913 г.
СПБ.

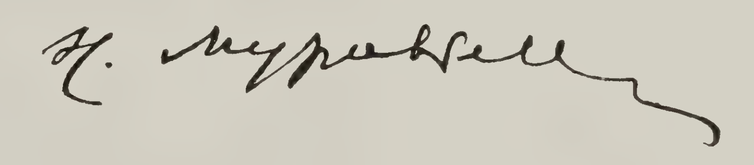
Мнѣ нравится, что „Вѣна“—ресторанъ безъ музыки.
Я не люблю музыки, опустившейся до ресторана.
И не люблю ресторана, опустившагося до музыки.
Музыка всегда превращаетъ ресторанъ въ кафешантанъ.
Я не прочь во благовременіи попасть и въ кафешантанъ.
И смѣшивать два эти ремесла есть тьма охотниковъ,—я не изъ ихъ числа.

Слова Александрова. Музыка Н. Муравьева.

Считаю ресторанъ Вѣну лучшимъ рестораномъ Петербурга, благодаря честному и добросовѣстному труду его хозяина И. С. Соколова и близко-окружающихъ его лицъ. Авторъ нѣсколькихъ произведеній, Орловскій и Курскій землевладѣлецъ

24 марта 1913 г.
СПБ.

Въ „Вѣнѣ“ бывалъ я рѣдко, но всегда съ удовольствіемъ. Недавно снова посѣтилъ ее наѣздомъ изъ Крыма, гдѣ постоянно живу, и снова очарованъ. Больше всего мнѣ понравилась Тэффи, которую увидѣлъ впервые. И братья-писатели заключили, что

Вадимъ Баянъ
Отъ Тэффи пьянъ.

СПБ. 4 апрѣля 1913 г.

Въ началѣ XIX вѣка въ Парижѣ славился кабачекъ Тортони. Тамъ Беранже говорилъ свои пѣсенки, тамъ собирались друзья Лафайета. Ѣли весело и пили весело.

Никому не пришло въ голову оставить слѣдъ дружескихъ пирушекъ.

Въ началѣ XX вѣка Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ, русскій Тортони въ Петербургѣ, съумѣлъ собрать въ свой гостепріимный домъ тѣхъ, кто не только принималъ участіе въ общественной жизни, но и умѣлъ отражать переживаемое. Слѣдъ хранятъ стѣны, увѣшанныя автографами, рисунками, афоризмами, шутками и т. п.

Это матерьялъ для историка петербургскаго общества начала XX вѣка.

Главная прелесть „Вѣны"—ея уютъ, и, боюсь, что если перейдетъ она въ раззолоченныя залы, не будемъ мы себя чувствовать въ ней такъ по домашнему просто.

1913 г. 9 апрѣля.

Будущій историкъ отмѣтитъ особый „Вѣнскій" періодъ русской литературы.

„Вѣна" была на высотѣ своего положенія,—скажетъ историкъ.

Была ли на такой же высотѣ своего положенія—и литература?

И Василевскій (Не-Буква)

Плакатъ XXV-лѣтняго юбилея Ф. В. Леженъ. „ВѢНА“.

Я не любилъ ресторана „Вѣну“. Но полюбилъ его тогда, когда познакомился съ Борисомъ Лазаревскимъ. Онъ пишетъ вкусно. Ѣстъ тоже вкусно.

4 апрѣля 1913 г.

Врачъ литераторовъ

Н. П. Студенцовъ.

ПРИВѢТЪ А. И. ГИЛЛЕРСОНА.

Присоединяю и свое привѣтствіе ресторану „Вѣна“ по случаю десятилѣтія его благополучнаго существованія.

Съ этимъ рестораномъ у многихъ связаны пріятныя воспоминанія о томъ періодѣ русской жизни, который принято называть „днями свободъ“.

Подъ низкимъ потолкомъ этого ресторана въ тѣ дни высокихъ чаяній и стремленій собирались русскіе писатели и общественные дѣятели. Здѣсь они обмѣнивались своими впечатлѣніями, здѣсь они привѣтствовали нарождавшіяся „свободы“, здѣсь они спорили, развивали свои идеи, говорили о своихъ идеалахъ... Но отцвѣли „свободы“, потускнѣли идеалы, и въ условіяхъ русской жизни отъ всѣхъ тѣхъ чаяній и надеждъ остался и разцвѣлъ одинъ лишь ресторанъ... Правда, кромѣ ресторана „Вѣна“, памятникомъ „дней свободъ“ является еще другое учрежденіе—это Государственная Дума. Но справедливость требуетъ сказать, что между двумя этими учрежденіями общаго немного. И въ то время, какъ въ Государственной Думѣ всѣмъ преподносится одно и то-же безвкусное блюдо, именуемое „вермишелью“, въ ресторанѣ „Вѣна“ гостямъ предоставляютъ большой выборъ разнообразныхъ блюдъ. И въ то время, какъ въ Государственную Думу,—какъ жалуются многіе отцы семействъ—нельзя приходить съ женами и дочерьми, такъ какъ тамъ всегда сквернословятъ, а часто и скандалятъ, въ ресторанъ „Вѣна“ можно приходить даже съ малыми дѣтьми, такъ какъ тамъ бываетъ исключительно приличная публика, которая никого не шокируетъ ни сквернословіемъ, ни тѣмъ паче скандалами... Публика такимъ образомъ, отвлекаясь отъ Думы, попадаетъ въ „Вѣну“.

Но говоря серьезно, посѣщаемость этого ресторана, его успѣхъ и популярность объясняются отчасти тѣмъ, что у насъ нѣтъ политическихъ и общественныхъ клубовъ, гдѣ люди могли-бы встрѣчаться, обмѣниваться мыслями и т. п., какъ это принято въ культурныхъ странахъ Европы и Азіи. Тѣ-же клубы, которые у насъ существуютъ, являются по-просту картежными притонами, которыхъ порядочные люди не посѣщаютъ изъ чувства брезгливости.

И, вотъ, въ условіяхъ нашей жизни потребность въ общественномъ клубѣ замѣняется приличнымъ рестораномъ.

Въ „Вѣну“ многіе приходятъ, какъ въ клубъ, чтобы повидать знакомыхъ, обмѣняться мыслями и т. д.

Есть еще одно обстоятельство, содѣйствующее успѣху этого ресторана. Дѣло въ томъ, что на вошедшаго посѣтителя въ „Вѣнѣ“ не набрасывается, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ ресторанахъ, орава слугъ съ предложеніемъ винъ и закусокъ; въ „Вѣнѣ“ каждому посѣтителю предоставляется дѣйствительная свобода... въ выборѣ блюдъ и напитковъ.

Переступивъ порогъ „Вѣны“, каждый человѣкъ становится свободнымъ гражданиномъ, такъ какъ онъ можетъ полностью осуществить нашу старую гражданскую свободу, которой восторгался еще Щедринъ, когда писалъ: „Ну, чѣмъ я не свободенъ? Хочу—ѣмъ, хочу—не ѣмъ, хочу—пью, хочу—не пью. Кто смѣетъ утверждать, что я не свободный гражданинъ!“.

Старая русская свобода пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла въ ресторанѣ „Вѣна“; самъ Щедринъ пришелъ-бы въ умиленіе, если бы онъ могъ воскреснуть и поглядѣть...

Весьма желаю ресторану „Вѣна“, чтобы въ слѣдующее десятилѣтіе число его посѣтителей удвоилось и даже утроилось. Но въ то-же время выражаю пожеланіе, чтобы это произошло по болѣе нормальнымъ причинамъ, а не по причинѣ сквернословія въ нашемъ парламентѣ, и не вслѣдствіе отсутствія общественно-политической жизни въ Петербургѣ, а также не благодаря расцвѣту старой русской свободы въ духѣ Щедрина... Да будетъ такъ!

Ар. Гиллер

Плохо живется на свѣтѣ одинокому человѣку, одно утѣшеніе повидать друзей и за бокаломъ вина отвести душу, но „просто“ ресторанъ не удовлетворяетъ; хочется уюта домашняго очага и теплаго милаго отношенія. Только въ „Вѣнѣ“ все это можно найти.

Желаю процвѣтанія Вѣнѣ, желаю перейти въ бо́льшее помѣщеніе, чтобы можно было создать единственный въ своемъ родѣ ресторанъ.

Москва, 18 февраля 1913 г.

Князь Дм. Трубецкой.

„Вѣна всѣмъ мила!
Вѣчно весела!“

Шлю сердечный привѣтъ милому Ивану Сергѣевичу по поводу десятилѣтняго юбилея его симпатичной „Вѣны“. Дай же Боже!

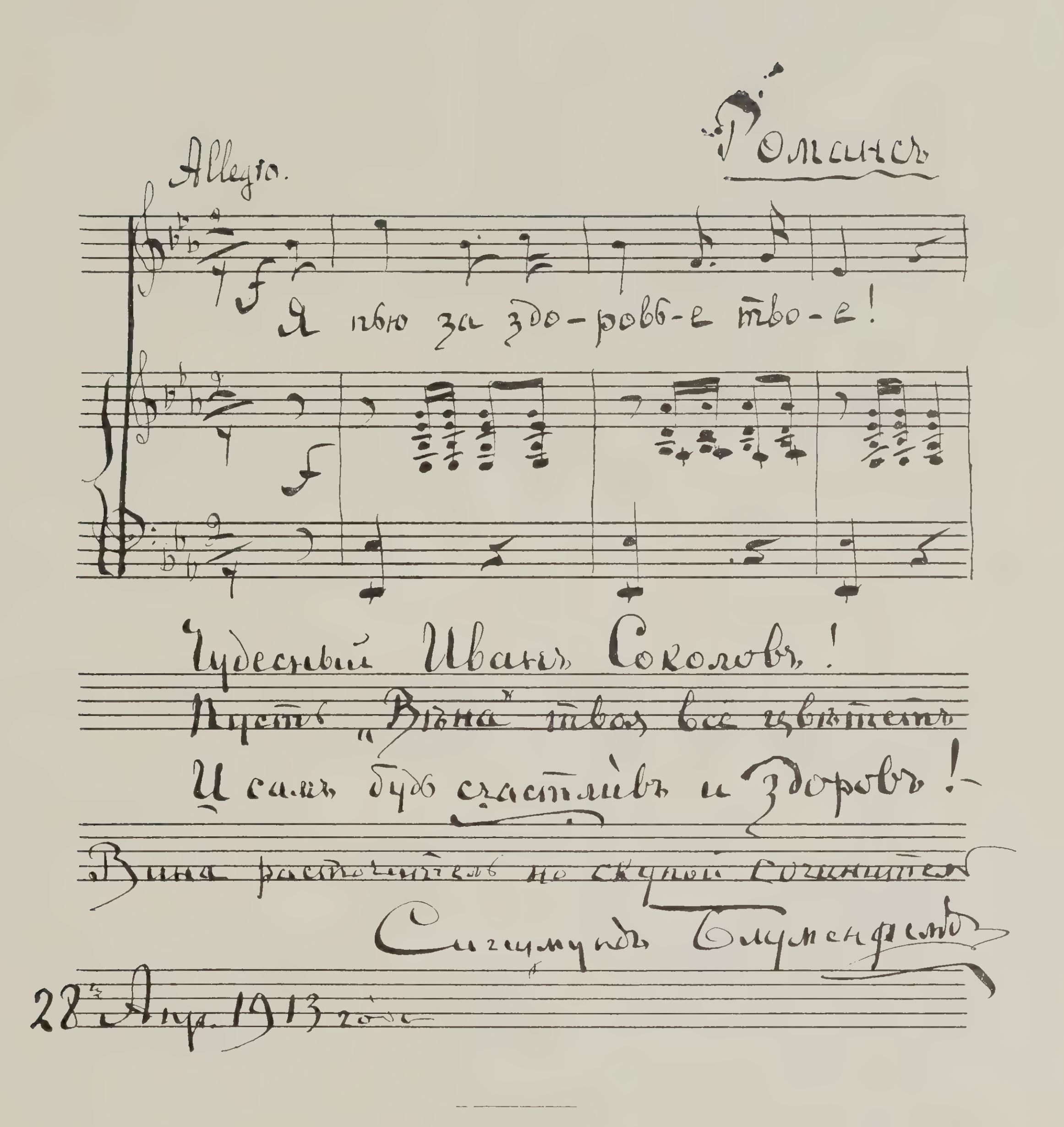
5 апрѣля 1913 г.

Милостивый Государь

Иванъ Сергѣевичъ.

Въ виду наступающаго юбилея содержимаго Вами ресторана „Вѣна“, считаю пріятнымъ долгомъ заявить, что, посѣщая издавна ресторанъ „Вѣна“, я всегда замѣчалъ полное вниманіе какъ со стороны Вашей, такъ и распорядителей и на основаніи этого всегда оставался доволенъ подаваемыми кушаньями.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи Вашего постояннаго посѣтителя.

Я въ „Вѣнѣ" чувствовалъ себя всегда прекрасно!
1913 г.

Милостивый Государь,

Иванъ Сергѣевичъ!

Считаю долгомъ справедливости выразить Вамъ мою искреннюю благодарность за отличную кухню, безукоризненную провизію и вѣжливую и умѣлую прислугу, которою я пользуюсь въ теченіе многихъ лѣтъ въ Вашемъ ресторанѣ.

Поздравляю съ наступающимъ юбилеемъ.

Признательный Вашъ

12 марта 1913 г.
Петербургъ.

Кн. А. Львовъ

Можно подумать, что всякій петербуржецъ убѣжденный патріотъ: онъ безпрестанно кричитъ: „въ Вѣну, въ Вѣну!“

Дюнецкой

Ну гдѣ же, какъ не въ тепломъ уютѣ милой, радушной Вѣны, я могъ-бы убѣдиться впервые, что кумиры, божки и боженята родного искусства, не призрачное чудо, витающее гдѣ-то на недосягаемыхъ вершинахъ, а настоящіе, ощутимые, добрые и близкіе братья?..

Здѣсь же у меня случилась драгоцѣнная потеря,—я утратилъ застѣнчивость и... дерзновенно помыслилъ:

— А почему бы и въ самомъ дѣлѣ не стать беллетристомъ?..

Прилетали грачи...

9 апрѣля 1913 г.

Леонидъ Сычевъ
(Печаловъ)

„Вѣнѣ“.

Ахъ, выпилъ бы вина здѣсь море я,
Когда-бъ была не „Вѣна“ ты, а „Черногорія“.

Хорошо намъ въ Петербургской Вѣнѣ: вкусно ѣдимъ, сладко пьемъ, недорого платимъ, а порой и совсѣмъ не платимъ, испытывая мѣру терпѣнія Ивана Сергѣевича; но все напрасно; никакъ не согнать улыбки съ его лица. Хорошо-бы кабы

Потолки не такъ низки были...
Кабы воздуху поболѣ...
Кабы не такъ накурено было.

Впрочемъ „Не красна изба углами, красна пирогами“. А пироги вкусные. Юбилей Вѣны будемъ праздновать искреннѣе и охотнѣе многихъ другихъ юбилеевъ.

19 марта 1913 г.

Auf eine halbe Stunde

Не нѣмецъ,—русскій я въ Санктпетербургской Вѣнѣ.
Гдѣ „patria“ моя? Охъ, тамъ лишь, „ubi bene“! *)

5 апрѣля 1913 г.

Ф. Ф. Фидлеръ
(Ф³).

*) Читай „бѣнѣ“!

„Вѣдь надобно-же, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непремѣнно, надо хоть куда нибудь пойти!“

Эту фразу, сказанную Ѳ. М. Достоевскимъ, или, вѣрнѣе сказать, вложенную имъ въ уста Мармеладова, я вспоминаю всегда, когда иду въ гостепріимную, радушную „Вѣну“, чтобы увидать своихъ товарищей по перу, дорогихъ мнѣ сотрудниковъ и переговорить съ ними по дѣлу журнала, такъ какъ русская литература, несмотря на ея всемірное признаніе, не имѣетъ собственнаго угла, а собраться дома хотя-бы только въ половинномъ составѣ членовъ редакціи рискованно, потому что, черезъ часъ или два, явятся другіе лица, тоже сотрудники, и уйдетъ время не на составленіе № журнала, а на составленіе протокола за незаконное сборище.

Спасибо, Иванъ Сергѣевичъ, и за пріютъ, и за вниманіе и ласку.

22 апрѣля 1913 г.

Н. Корецкій.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ „ВѢНОЙ“ И ЕЯ ПОСѢТИТЕЛЯМИ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ я посѣщаю этотъ симпатичный гостепріимный уголокъ. Всё здѣсь хорошо, сердечно, тепло; нѣтъ специфическаго ресторапнаго холода, выжидательно нетерпѣливыхъ взоровъ официантовъ и дѣловитыхъ физіономій посѣтителей. Чувствуется уютная семейная обстановка: завсегдатаи „Вѣны“ переходятъ отъ столика къ столику и отовсюду раздается ихъ громкій разговоръ, непринужденный смѣхъ, остроумные экспромты. Всё здѣсь живетъ и чувствуетъ себя свободно и нѣтъ различія въ отношеніяхъ ни къ кому. Администрація въ „Вѣнѣ“ тоже своеобразна въ лицѣ хозяина—симпатичнаго Ивана Сергѣевича съ его стройной гармоничной свитой: тутъ и серьезный длиннобородый Сташъ съ дѣловитымъ лицомъ, выносливый, необычайно терпѣливый и внимательный, не смотря на скрытое горе и различныя интимныя переживанія; и улыбающійся К. Пуринъ всегда любезный

и безыскусственный; и скорый неутомимый Острогинъ, и, наконецъ, дирижирующая буфетнымъ оркестромъ г-жа Данцъ, которая такъ умѣло ассимилируется со всякимъ вкусомъ. Какъ дѣти удачные и неудачные одинаково любимы матерью, такъ и въ гостепріимной „Вѣнѣ“ всѣ посѣтители пользуются одинаковымъ вниманіемъ, одинаковымъ отношеніемъ. Вся администрація, всѣ эти неутомимые труженики производятъ впечатлѣніе одной свободной дружной семьи. Обыкновенно въ ресторанахъ и служащіе, и вы—посѣтитель являетесь жертвой алчнаго хозяина, или его управляющаго, которые норовятъ только заглянуть вамъ въ карманъ и узнать насколько вы выгодны, но Боже васъ сохрани, если вы взяли только скромную закуску, или оставили на чай меньше установленнаго,—вы ничего здѣсь ужъ во время не получите, на васъ будутъ коситься и оставятъ безъ вниманія. Совершенно не то наблюдаемъ мы въ „Вѣнѣ“: заказавшій квасъ съ бутербродами, или чай пользуется одинаковымъ вниманіемъ и привѣтливостью съ заказавшимъ ужинъ съ шампанскимъ. Вы всегда видите одинаково благодарныя лица служившихъ вамъ, какъ-бы вы ни оплачивали ихъ трудъ. Въ „Вѣнѣ“ можно всегда встрѣтить представителей литературы и искусства, и очень характерно, что это талантливое, интересное общество какъ-бы флюидально дѣйствуетъ на окружающихъ, на всю окружающую атмосферу. Недавно я былъ свидѣтелемъ такой сценки: одинъ случайный посѣтитель требовалъ у швейцара Миролюбова одѣваться; швейцаръ подавалъ въ это время другому, и посѣтитель, находясь въ повышенномъ настроеніи, выругалъ его. Когда посѣтитель ушелъ, я, зная, что швейцаръ не провинился, выразилъ ему сочувствіе въ незаслуженной обидѣ и былъ пріятно пораженъ, когда онъ мнѣ отвѣтилъ: „зачѣмъ обижаться? Долженъ-же насъ хоть кто-нибудь ругать за всѣ ласки и привѣтливость, которыя мы имѣемъ отъ нашихъ постоянныхъ посѣтителей“. Такой своеобразно-хорошій типъ ресторанной администраціи сложился здѣсь помимо вліянія пульса литературы и искусства, который по вечерамъ здѣсь бьется, еще и подъ вліяніемъ симпатичной личности самого хозяина, который своимъ отечески дружескимъ отношеніемъ къ служащимъ, постепенно создавалъ эту стройную гармоничную семью; характеренъ для этихъ отношеній одинъ фактъ, который я случайно наблюдалъ; одинъ служащій рѣшилъ уйти и устроиться самостоятельно; пріятно было видѣть родственное отношеніе хозяина къ нему,—онъ считалъ своимъ долгомъ помочь ему и ручаться

за него. Имѣя подъ рукой автографъ Ивана Сергѣевича Соколова, хозяина симпатичной „Вѣны“, я пользуюсь случаемъ отмѣтить нѣкоторыя соотвѣтственныя почерку характерныя черты его души:

Многоуважаемый
Илья Федоровичъ!
Сколько разъ собирался посетить
Васъ въ Вашемъ рабочемъ каби-
нетѣ но суетливость моего
дѣла все отдаляетъ желанный
моментъ и настоящимъ подтвер-
ждая мое глубокое къ Вамъ уваженіе на-
дѣюсь скоро быть у Васъ
Всегда признательный Вашъ
Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ
7/II-13

Топорныя, ровно поставленныя буквы указываютъ на послѣдовательность, ровность, трудолюбіе; это—самобытная натура; видны: природный умъ, большое терпѣніе, осторожность, замкнутость, своеобразная философія, религіозность, природная наблюдательность, твердость, рѣшительность, медленность, обдуманность въ дѣйствіяхъ, подозрительность. Онъ прошелъ тяжелую школу жизни, умѣетъ обуздать себя; видна большая патріархальность; онъ упрямый, вспыльчивый, хитрый, но не лукавый, есть большая толковость, мнительность, нервность; не смотря на болѣзненность, видна крѣпкая натура, закаленность.

15 февраля 1913 г.

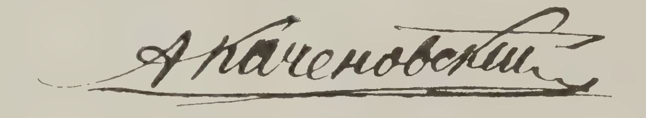
И. Моргенштернъ

Г-ну Владѣльцу ресторана „Вѣна“.

„Ни одно доброе дѣло не остается безъ наказанія“,—такъ говоритъ нѣсколько передѣланная пословица, и—вотъ хозяинъ „Вѣны“, давая здоровые и вкусные обѣды и ужины своимъ посѣтителямъ, этимъ такъ увеличилъ число адептовъ своего хорошаго дѣла, что,

вѣроятно, терпитъ много осложненій изъ-за недостатка свободныхъ мѣстъ вечеромъ и непріятностей изъ-за вызововъ „скорой помощи“ ко всѣмъ объѣвшимся сверхъ мѣры гурманамъ!!

Артистъ оперы Народнаго Дома

„ВѢНА“.

(Почти ода).

Ризотто Миланезе...
Шашлыкъ и поросенокъ...
Ахъ, ароматъ ихъ тонокъ,
Точь въ точь духи Фарнезе.

О бёфъ були, котлетки
(„Варвара“ и другія)...
Ихъ качества благія
Оцѣнятъ лишь поэты.

О Левенбрей и Шпатенъ...
О вина и ликеры...
Они ласкаютъ взоры,
И вкусъ ихъ такъ пріятенъ.

Но лучше Соколова
Не знаю я приманки:
Въ немъ умъ, размахъ есть Янки,
И дѣла онъ основа.

Эпикуръ.

Спб. 2/v 1913 г.

Сказъ въ разъ!

На юбилеѣ „Вѣны"
Составъ безъ перемѣны!
Всегда онъ въ ней бываетъ —
Другъ друга каждый знаетъ.
Писатели, поэты,
Художники, атлеты,
Артистовъ зришь фигуры
И лицъ адвокатуры!
За гостемъ наблюдаютъ,
Всемѣрно угождаютъ!
„Кормà" вельми исправны,
Медà и вина славны!
Поѣшь здѣсь и попьешь,
На кофе перейдешь!
Потомъ „Османъ" закуришь,
Сидишь и балагуришь!!
Сергѣичъ самъ Иванъ
Ведетъ весь ресторанъ.
Сказать мнѣ будетъ въ пору
Идетъ пусть „Вѣна" въ гору!!

1913 г. — Дядя Михей.

Ресторанъ „ВѢНА“. Вестибюль.

ИСТОРІЯ РЕСТОРАНА „ВѢНА“.

Значеніе „Вѣны“.

„Вѣна“—ресторанъ интеллигентнаго дѣлового Петербурга. Съ момента открытія—12 часовъ дня—и до закрытія ресторана—въ 3 часа ночи—кого только ни встрѣтите вы въ немъ. Представители дѣлового промышленнаго и торговаго міра, люди свободныхъ профессій—писатели, журналисты, художники, адвокаты, артисты,—администрація и служащіе большихъ расположенныхъ неподалеку отъ „Вѣны“ фирмъ, интеллигентная публика театровъ, окружающихъ кольцомъ раіонъ, въ которомъ расположенъ ресторанъ—все это наполняетъ изо дня въ

Владѣлецъ „ВѢНЫ“ Иванъ Сергѣевичъ СОКОЛОВЪ
и его супруга Татьяна Петровна СОКОЛОВА.

день уютныя залы ресторана, то закусывая наскоро на ходу, у буфетной стойки, то расположившись компаніями за столиками для болѣе или менѣе продолжительнаго препровожденія времени, для дѣловой или дружеской бесѣды за завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ.

Главное достоинство „Вѣны", создавшее ресторану такую популярность не только въ Петербургѣ, но и далеко за предѣлами его, и привлекающее къ нему такую многочисленную уже и все растущую кліентуру, заключается въ томъ, что „Вѣна"—семейный ресторанъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ немъ не бываетъ гомерическихъ кутежей, столкновеній и скандаловъ, и такое его качество больше всего цѣнится и отмѣчается посѣщающей ресторанъ публикой.

„Вѣна"—семейный ресторанъ. Эта его особенность сильнѣе всего выступаетъ по вечерамъ, когда въ „Вѣну" съѣзжается ужинать публика, только что бывшая въ театрахъ и концертахъ. Залы „Вѣны" переполнены тогда, чуть-чуть запоздавшему посѣтителю трудно найти себѣ мѣсто, приходится ждать очереди, когда освободится какой нибудь столъ. За столами, иногда сдвинутыми вмѣстѣ, цѣлыя компаніи съ дамами, иногда семьи съ дочерьми, которыхъ онѣ вывозили на спектакль. Не рѣдко увидите здѣсь за столикомъ однѣхъ дамъ, знакомыхъ или подругъ, бывшихъ вмѣстѣ въ театрѣ и вмѣстѣ же заѣхавшихъ въ ресторанъ. И одинокой даже дамѣ и никому изъ публики, посѣщающей „Вѣну", никогда не придетъ въ голову опасливое соображеніе, что дама можетъ натолкнуться въ „Вѣнѣ" на неприличную сцену, на непристойную выходку. Въ „Вѣну" ѣдутъ и идутъ спокойно, потому что знаютъ, что ни такихъ сценъ, ни такихъ выходокъ въ ней не бываетъ.

„Вѣна"—семейный ресторанъ. Эта его особенность очень наглядно подчеркнута недавно хозяиномъ „Вѣны", Иваномъ Сергѣевичемъ Соколовымъ, который нашелъ, что, бывшая у него вначалѣ существованія ресторана, билліардная нарушаетъ собою семейный характеръ ресторана, какой съ такимъ упорствомъ и настойчивостью старался придать „Вѣнѣ" Иванъ Сергѣевичъ съ самаго начала. Шумъ, крикъ, споры, ссоры, азартъ неизбѣжны въ билліардной, и это нарушаетъ общую атмосферу ресторана... И Иванъ Сергѣевичъ не остановился передъ закрытіемъ билліардной, идя даже на опредѣленныя потери, сопряженныя съ этимъ закрытіемъ, такъ какъ билліардная въ каждомъ ресторанѣ помимо приманки опредѣленнаго контингента—любителей бил-

Ресторанъ „ВѢНА“. Первый залъ.

ліардной игры—даетъ предпріятію солидный годовой доходъ, который не могутъ дать кабинеты, смѣнившіе собою въ „Вѣнѣ“ бывшую билліардную.

Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ вѣрно понялъ запросы широкихъ круговъ интеллигентнаго Петербурга и пошелъ къ нимъ на встрѣчу, не останавливаясь на полдорогѣ. И онъ не обманулся. Ресторанъ пріобрѣлъ популярность, пріобрѣлъ значеніе, какого не достигалъ еще ни одинъ ресторанъ въ Петербургѣ.

Объ этомъ говоритъ фактъ существованія у „Вѣны“ кліентовъ, которые цѣлыми годами не разрываютъ связи съ рестораномъ, и которыхъ „Вѣна“ насчитываетъ десятками, если не сотнями.

Въ день пятилѣтія „Вѣны“ нѣкоторые изъ такихъ постоянныхъ посѣтителей ресторана отмѣтили то значеніе, какое имѣетъ онъ для нихъ, въ трогательныхъ словахъ адреса, поднесеннаго 31 мая 1908 года хозяину „Вѣны“, Ивану Сергѣевичу Соколову, и воспроизводимаго здѣсь.

Наконецъ о значеніи ресторана „Вѣна“ въ жизни интеллигентнаго дѣлового Петербурга свидѣтельствуетъ вся исторія ресторана, его быстрый и неуклонный ростъ, продолжающійся съ момента основанія „Вѣны“ въ 1903 году и вплоть до настоящаго времени, когда „Вѣна“ празднуетъ свой десятилѣтній юбилей.

Исторія „Вѣны“.

31 мая 1903 года состоялось открытіе теперешняго ресторана „Вѣна“.

До этого времени въ теченіи болѣе ста лѣтъ на томъ же мѣстѣ—на углу Гороховой улицы и улицы Гоголя (раньше носившей названіе „Малой Морской“) существовало, послѣдовательно смѣняя другъ друга, нѣсколько предпріятій. Раньше всего здѣсь былъ открытъ „Вѣнскій трактиръ“—трактиръ распространеннаго въ старину типа—съ двумя отдѣленіями,—„черной и бѣлой“ или „чистой“ половиной. Затѣмъ на его мѣстѣ послѣдовательно открывались: „ресторація „Вѣна“, Интернаціональный ресторанъ“, переименованный такъ изъ старой „ресторацій“ новымъ владѣльцемъ ея французомъ де-Сюмитьеръ. Послѣ „Интернаціональнаго ресторана“ открытъ былъ ресторанъ подъ теперешнимъ названіемъ „Вѣна“, въ которомъ до перехода къ нынѣшнему владѣльцу, Ивану Сергѣевичу Соколову, смѣнилось въ короткій срокъ—съ 1897 года по 1903 годъ—восемь хозяевъ.

Многоуважаемый

Иванъ Сергѣевичъ!

Сегодня, въ день минования перваго пятилѣтія со дня открытія Вами ресторана „Вѣна“ мы нижеподписавшиеся, постоянные Ваши посѣтители, основавшие такъ называемый „штамтишъ“ привѣтствуемъ Васъ съ сегодняшнимъ праздничнымъ днемъ и приносимъ Вамъ свою искреннюю признательность за всегдашнее Ваше особенное попеченіе и трогательную заботливость о насъ

Посѣщая ежедневно Вашъ ресторанъ, мы были свидѣтелями Вашей многотрудной дѣятельности и намъ приятно константировать, что прошлое пятилѣтие было одинаково обильно и трудомъ и успѣхамъ и если Вы можете съ гордостью оглянуться на пройденный Вами сравнительно не большой пятилѣтний периодъ, то Вы вправѣ съ надеждой взирать и на грядущее время

При пожеланіи Вамъ, чтобы Вы еще на долгие годы сохранили Ваши силы и здоровье для дальнѣйшей Вашей дѣятельности мы просимъ Васъ, въ знакъ особеннаго нашего къ Вамъ благоволения, принять прилагаемый при семъ жетонъ

Бютнеръ, К. А.	Ивановъ, Д. М.	Мансфельдъ, Н. А.	Страубе, А. Ф.
Вейденштраухъ, Ф. Я.	Кирѣевъ, М. М.	Остгофъ, Б. Р.	Штудеръ, А. Ф.
Гааръ, Е. Ф.	Лорхъ, А. К.	Прейсъ, Р. А.	Шлейферъ, К. К.
Ганъ, Д. К.	Лорхъ, Б. К.	Пайгадзе, И. К.	Цирусъ, Г. И.
Губенсъ, К. Х.	Нейгебауеръ, Э. А.	Рихтеръ, К. Г.	Цыковский, К. К.
Ивановъ, И. Т.	Николаевъ, Н. Н.	Степановъ, М. М.	Юргенсъ, К. Ф.

Адресъ, поднесенный ***И. С. СОКОЛОВУ*** *въ день пятилѣтія* ***„ВѢНЫ“****,*
постоянными посѣтителями ресторана.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Поздравляемъ **Васъ** съ пятилѣтней годовщиной **Вашего** дѣла.

Искренне рады случаю, представившему намъ пережить вмѣстѣ съ **Вами** эту годовщину: пятую годовщину, безпрерывно тяжелаго, часто непосильнаго труда и заботъ, вложенныхъ **Вами** на воспитаніе этого дѣтища; пятую годовщину лучшихъ надеждъ въ процвѣтаніе дѣла, которому **Вы** заложили фундаментъ, которому **Вы** отдали столько силъ и энергіи, и для благополучія котораго **Вы** рисковали своимъ здоровіемъ и благосостояніемъ. Да, оно достойно вознаградило **Васъ**... Вознаградило сторицею за всѣ вложенные въ него труды и заботы.

И мы... мы рады видѣть **Васъ,** какъ побѣдителя, какъ капитана судна, который побѣдилъ стихію моря (употребивъ на это всѣ свои силы, всю энергію и опытность), чтобы ввести свое судно въ тихую гавань, полную жизни, полную дѣла, порядка и свѣтлой будущности.

Вы ввели свое судно въ такую гавань! **Вы** капитанъ!.. А мы матросы, идущіе всегда навстрѣчу **Вашимъ** радостямъ и горю, переносящіе вмѣстѣ всѣ невзгоды и препятствія, встрѣчающіяся на пути—**привѣтствуемъ Васъ и Вашу побѣду.**

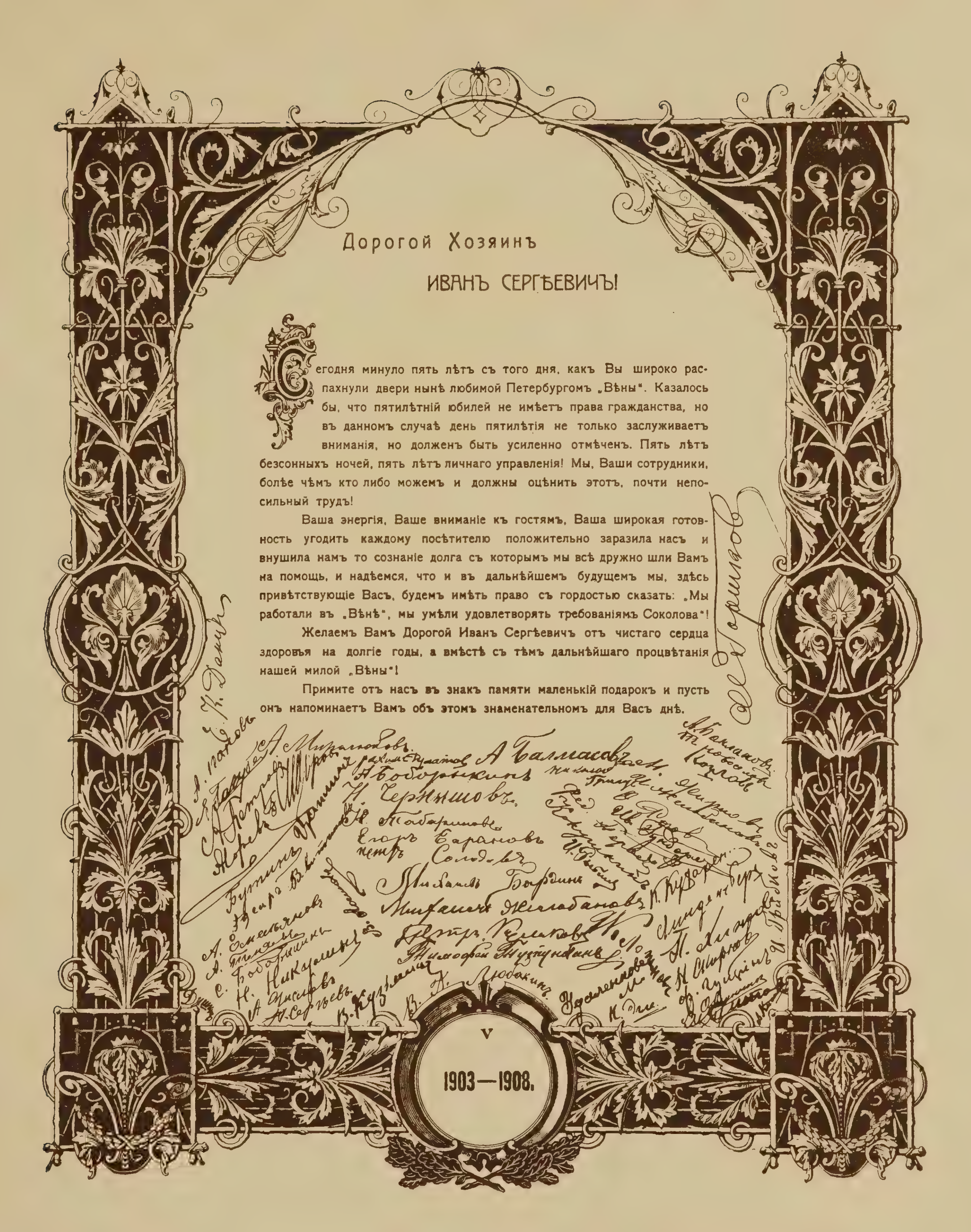
Въ знакъ уваженія своего начальника, въ знакъ постояннаго желанія идти всегда на встрѣчу **Вашимъ** стремленіямъ, общими силами, мы рѣшили преподнести **Вамъ** на память подарокъ. Пусть этотъ скудный подарокъ, пусть онъ послужитъ между нами залогомъ довѣрія въ единодушной работѣ общаго дѣла. Примите его, и мы будемъ несказанно рады видѣть въ **Васъ** участіе къ своимъ подчиненнымъ.

Еще разъ привѣтствуемъ **Васъ и Вашу** побѣду и отъ всего сердца желаемъ **Вамъ** въ продолженіе начатаго дѣла: многія лѣта, и тѣхъ-же успѣховъ и благополучій, которыми полна **Ваша** работа, до нынѣ. Ура!..

В. Савичевъ, А. Соколовъ, В. Алферовскій, С. Струевъ, А. Глушинъ, П. Савичевъ, И. Васильевъ, Н. Андреевъ, Ф. Кочешковъ, Д. Петровъ, А. Балякинъ, П. Рожаевъ, М. Волковъ, С. Щеголевъ, И. Ефимовъ, А. Капустинъ, Е. Морозовъ, Д. Иларіоновъ, В. Федоровъ, М. Малининъ, А. Трофимовъ.

Р. „Вѣна“, 31 Мая, 1908 г.

Адресъ отъ поваровъ ресторана, поднесенный Ивану Сергѣевичу СОКОЛОВУ въ день пятилѣтія „ВѢНЫ“.

Дорогой Хозяинъ

Иванъ Сергѣевичъ!

Сегодня минуло пять лѣтъ съ того дня, какъ Вы широко распахнули двери нынѣ любимой Петербургомъ „Вѣны". Казалось бы, что пятилѣтній юбилей не имѣетъ права гражданства, но въ данномъ случаѣ день пятилѣтія не только заслуживаетъ вниманія, но долженъ быть усиленно отмѣченъ. Пять лѣтъ безсонныхъ ночей, пять лѣтъ личнаго управленія! Мы, Ваши сотрудники, болѣе чѣмъ кто либо можемъ и должны оцѣнить этотъ, почти непосильный трудъ!

Ваша энергія, Ваше вниманіе къ гостямъ, Ваша широкая готовность угодить каждому посѣтителю положительно заразила насъ и внушила намъ то сознаніе долга съ которымъ мы всѣ дружно шли Вамъ на помощь, и надѣемся, что и въ дальнѣйшемъ будущемъ мы, здѣсь привѣтствующіе Васъ, будемъ имѣть право съ гордостью сказать: „Мы работали въ „Вѣнѣ", мы умѣли удовлетворять требованіямъ Соколова"!

Желаемъ Вамъ Дорогой Иванъ Сергѣевичъ отъ чистаго сердца здоровья на долгіе годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшаго процвѣтанія нашей милой „Вѣны"!

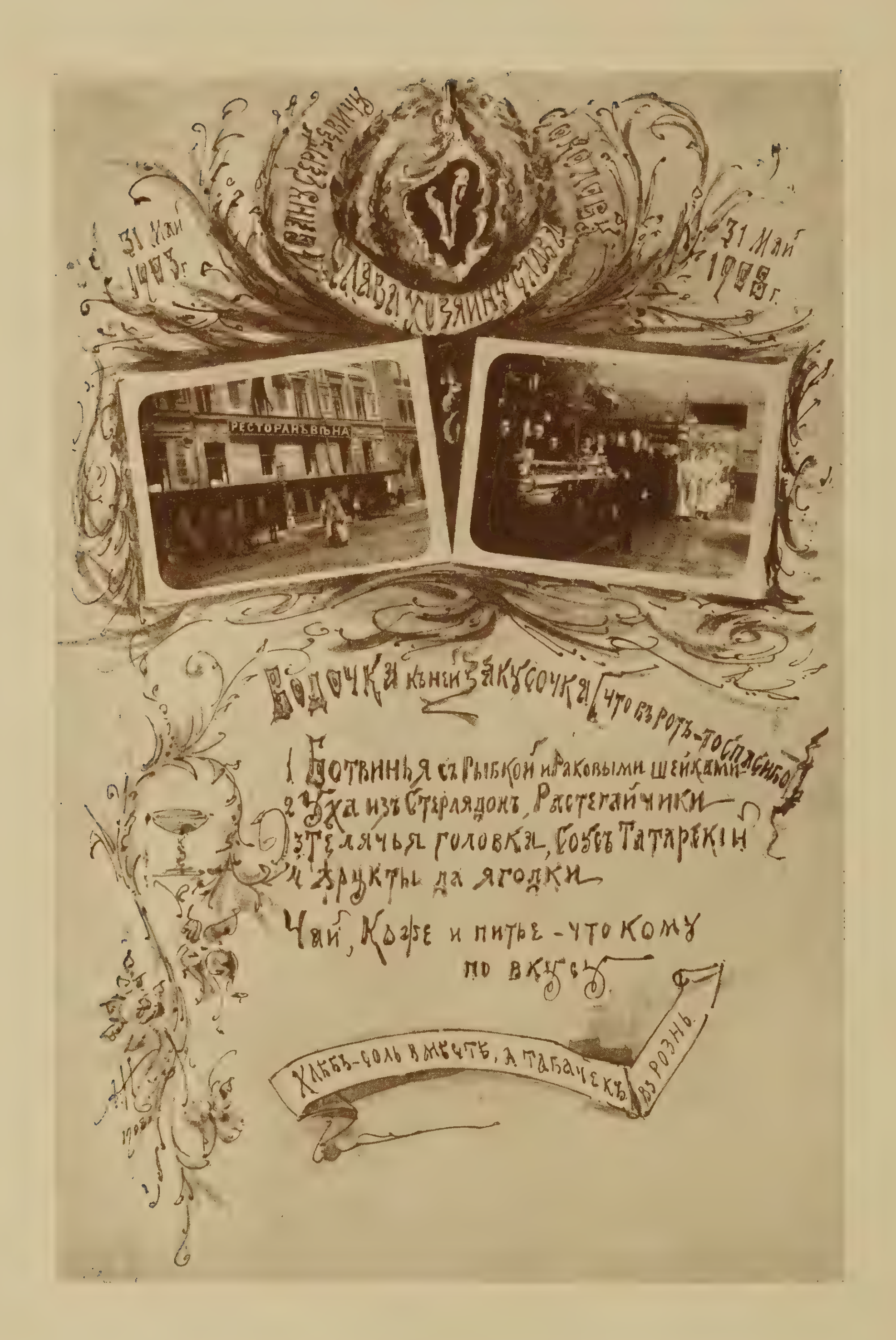
Примите отъ насъ въ знакъ памяти маленькій подарокъ и пусть онъ напоминаетъ Вамъ объ этомъ знаменательномъ для Васъ днѣ.

V

1903—1908.

Адресъ отъ служащихъ „ВѢНЫ", поднесенный Ивану Сергѣевичу СОКОЛОВУ въ день пяти-лѣтняго юбилея ресторана.

С. М. Прокудинъ-Горскій. Спб.

Плакатъ пяти-лѣтняго юбилея ресторана „ВѢНА“.

„Вѣна“ въ то время и въ моментъ перехода въ руки теперешняго ея хозяина, Ивана Сергѣевича Соколова, и его бывшаго компаніона, Михаила Феоктистовича Уткина, представляла собою маленькій ресторанчикъ, ютившійся въ первой отъ главнаго входа залѣ съ 6-ю кабинетами при ней. Въ такомъ же размѣрѣ и въ томъ же помѣщеніи приняли ее отъ прежнихъ владѣльцевъ, г.г. Лебедева и Дитриха, и новые хозяева-компаніоны, Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ и Михаилъ Феоктистовичъ Уткинъ.

Новые владѣльцы „Вѣны“ начинали дѣло съ небольшими деньгами, вложивъ каждый всего по 7 тысячъ рублей. Но зато они принесли свой большой опытъ и исключительныя практическія знанія въ ресторанномъ дѣлѣ, пріобрѣтенные ими за всю свою предыдущую дѣятельность. Оба они были до того оффиціантами, пріучались къ этому съ дѣтства, служили въ разныхъ предпріятіяхъ, имѣли возможность присмотрѣться и на практикѣ изучить разные типы веденія ресторантнаго хозяйства отъ маленькаго трактирнаго дѣла вплоть до большихъ солидно поставленныхъ предпріятій, какимъ было дѣло стараго Лейнера, у котораго оба они долго служили передъ тѣмъ, какъ открыть свое дѣло,—Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ, напримѣръ, въ теченіи 15 лѣтъ.

Въ самомъ же началѣ при открытіи своего дѣла новымъ владѣльцамъ помогъ счастливый случай, удачное для нихъ стеченіе обстоятельствъ. Ресторанъ „Вѣна“ продавался съ аукціона за долги его прежнихъ владѣльцевъ. Была назначена третья окончательная продажа всей обстановки ресторана. Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ, иниціаторъ и вдохновитель всего предпріятія, задумавъ открыть свое дѣло, въ день аукціона зашелъ къ управляющему домомъ страхового общества „Саламандра“, въ которомъ помѣщается ресторанъ „Вѣна“, и снялъ у него помѣщеніе ресторана. Такъ какъ кредиторы не захотѣли продавать имущество ресторана за безцѣнокъ, а изъ серьезныхъ покупателей никто на аукціонъ не явился—Иванъ Сергѣевичъ въ немъ тоже не принялъ участія,—маклаки же не могли и не хотѣли дать всей той суммы, въ которую была оцѣнена обстановка ресторана и которую были должны прежніе владѣльцы „Вѣны“ кредиторамъ, то аукціонъ не состоялся, и вся обстановка ресторана осталась за кредиторомъ Иваномъ Осиповичемъ Чугрѣевымъ. Иванъ Сергѣевичъ Соколовъ перекупилъ ее потомъ у г. Чугрѣева за 6 тысячъ рублей. Произошло это въ концѣ февраля 1903 года, и послѣ трехъ мѣсяцевъ упорной работы

по приведенію всего помѣщенія въ порядокъ послѣдовало 31-го мая того же года открытіе ресторана на совершенно новыхъ началахъ.

— Мы сами вмѣстѣ съ оффиціантами дѣлали все: чистили, мыли, приводили въ порядокъ,—разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, вспоминая о томъ времени:—Много пришлось положить труда и заботъ... Приходили мы въ ресторанъ съ утра, принимались за работу и работали безъ перерыва почти до вечера... И такъ каждый день!..

Въ это время Иванъ Сергѣевичъ набиралъ надлежащій штатъ оффиціантовъ, служащихъ и поваровъ. Послѣднимъ пришлось оплачивать жалованье въ теченіи полутора мѣсяцевъ до открытія ресторана. Дѣлалось это затѣмъ, чтобы имѣть возможность произвести пріемъ съ строгимъ выборомъ.

На кухню съ самаго начала рѣшено было обратить самое серьезное вниманіе. Поэтому Иванъ Сергѣевичъ, взявшій на себя руководство и надзоръ за кухней, рѣшилъ не жалѣть средствъ и лучше заплатить лишнее поварамъ за свободное время, но набрать штатъ заранѣе, не торопясь, оцѣнивая того или иного кандидата, чѣмъ передъ самымъ открытіемъ ресторана брать на службу первыхъ попавшихся людей.

Вначалѣ штатъ былъ небольшой. Всѣхъ служащихъ, включая оффиціантовъ и поваровъ, было не болѣе 40 человѣкъ, количество, которое въ настоящее время возросло до 180 человѣкъ, что краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о громадномъ ростѣ дѣла.

Дѣло рѣшено было вести за наличный разсчетъ, принципъ этотъ былъ проведенъ во всей послѣдовательности, и это помогло Ивану Сергѣевичу примѣнить самыя строгія требованія при пріемѣ провизіи относительно свѣжести и качества ея. Только такимъ путемъ, путемъ выбора, тщательной провѣрки и безжалостной браковки припасовъ и можно было поставить кухню ресторана на ту высоту, на которой она стоитъ до сихъ поръ.

Открытіе ресторана произошло 31 мая 1903 года. Въ этотъ день утромъ передъ началомъ дѣла былъ отслуженъ молебенъ, къ совершенію котораго новыми владѣльцами былъ приглашенъ популярный тогда въ Петербургѣ о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Первымъ посѣтителемъ ресторана, зашедшимъ въ день открытія привѣтствовать новыхъ хозяевъ съ началомъ дѣла и пожелать имъ успѣха въ дальнѣйшемъ, былъ постоянный до того посѣтитель ресторана Лейнера, давнишній кліентъ Ивана Сергѣевича, его старый зна-

Ресторанъ „ВѢНА“. Буфетъ.

комый, извѣстный фабрикантъ, Федоръ Александровичъ Гутхейль, который не разъ помогалъ ему своими совѣтами при началѣ дѣла и впослѣдствіи, когда оно стало развиваться. Ф. А. Гутхель зашелъ 31 мая въ новый ресторанъ, какъ онъ выразился, „на минутку“, лишь взглянуть и поздравить. Но новые хозяева ресторана упросили его остаться на молебенъ и позавтракать...

Въ этотъ первый день пришли къ завтраку много бывшихъ посѣтителей ресторана Лейнера, знавшихъ Ивана Сергѣевича и Михаила Феоктистовича по ихъ прежней службѣ у Лейнера. Новые владѣльцы „Вѣны“ въ день открытія предложили всѣмъ посѣтителямъ безплатные завтраки.

Вся организація дѣла,—прекрасный столъ, уютная обстановка, вниманіе хозяевъ, хорошо подобранный штатъ оффиціантовъ — настолько расположили посѣтителей въ пользу новаго ресторана, что всѣ они, за немногими, быть можетъ, исключеніями, съ этого времени переходятъ въ „Вѣну“ и становятся ея постоянными кліентами.

Главное достоинство новаго ресторана, сразу завоевавшее ему прочную, солидную, постоянную кліентуру, заключалось въ прекрасно поставленной кухнѣ ресторана.

Превосходно подобранный штатъ поваровъ, безукоризненно свѣжая первосортная провизія, безусловное отсутствіе суррогатовъ, обиліе и вкусъ предлагавшихся блюдъ, умѣло составленное меню— вотъ на что съ самаго начала было обращено вниманіе завѣдывавшаго этой стороной дѣла Ивана Сергѣевича. И, какъ показали дальнѣйшіе успѣхи, Иванъ Сергѣевичъ не ошибся въ расчетахъ. Насколько онъ съумѣлъ подойти къ запросамъ публики и удовлетворить ихъ самымъ блестящимъ образомъ, показываетъ тотъ фактъ, что популярность ресторана создала сама публика безъ всякаго участія рекламы.

Посѣтители валомъ повалили въ новый ресторанъ, такъ что уже черезъ годъ въ старомъ помѣщеніи стало очень тѣсно и некуда было прибавлять столиковъ. Ясно было, что дѣло развивается, и, естественно, потребовалось расширеніе помѣщенія. Директоръ страхового общества „Саламандра“, Николай Алексѣевичъ Бѣлоцвѣтовъ, видя ростъ количества посѣтителей въ молодомъ ресторанѣ, самъ пришелъ на помощь его хозяевамъ, предложивъ имъ занять подъ зало еще одну комнату, расположенную рядомъ съ первымъ отъ главнаго входа заломъ. Но скоро и въ этихъ двухъ залахъ стало тѣсно. Еще черезъ годъ, въ 1905 году,

Ресторанъ „ВѢНА“. Угловой залъ (литераторскій).

Ресторанъ „ВѢНА“. Кабинетъ № 4.

потребовалось снова расширить ресторанъ. Теперь были прибавлены сразу два зала—проходной за буфетной комнатой и угловой, выходящій окнами на улицу Гоголя и на Гороховую.

Сообразно съ расширеніемъ дѣла и ростомъ посѣтителей потребовалось и расширеніе кухни, которая съ большимъ трудомъ и напряженіемъ могла удовлетворять требованія посѣтителей. Въ 1906 году кухня „Вѣны“ была расширена вдвое. Раньше она помѣщалась во дворѣ въ отдѣльномъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ узкимъ проходомъ—корридоромъ. Теперь этотъ флигель соединенъ съ главнымъ корпусомъ капитальными стѣнами, захватившими во всю ширину флигеля всѣ три этажа кухни, что позволило увеличить помѣщеніе кухни почти вдвое и соотвѣтственно же увеличить и весь персоналъ ея. Ростъ дѣла не ограничился этимъ. Черезъ годъ уже, въ 1907 году, страховое общество „Саламандра“ уступило Ивану Сергѣе-

Ресторанъ „ВѢНА“. Билліардный кабинетъ №№ 10—13.

вичу подъ кабинеты помѣщеніе своего пожарнаго отдѣла, выходившее окнами на Гороховую улицу, и здѣсь было устроено 5 кабинетовъ.

Въ это время вышелъ изъ дѣла компаніонъ Ивана Сергѣевича, Михаилъ Феоктистовичъ Уткинъ, и Иванъ Сергѣевичъ взялъ въ свои руки руководство всѣми сторонами жизни ресторана, возложивъ часть прежнихъ своихъ обязанностей по веденію кухни и заказу и пріему продуктовъ на свою супругу Татьяну Петровну, которая съ этого времени и вступаетъ въ дѣло, какъ ближайшая помощница Ивана Сергѣевича.

Сдѣлавшись единоличнымъ хозяиномъ „Вѣны“, Иванъ Сергѣевичъ сталъ все болѣе и болѣе стремиться къ тому, чтобы придать „Вѣнѣ“ исключительный характеръ семейнаго ресторана и устранить изъ него все то, что такъ или иначе нарушало этотъ характеръ.

Въ 1908 году Иванъ Сергѣевичъ, какъ уже указывалось раньше, уничтожилъ билліардную, нарушавшую спокойствіе и солидный видъ ресторана и вносившую въ него шумную и безпокойную струю азарта. Изъ бывшей билліардной онъ устроилъ 4 кабинета.

Такимъ образомъ ресторанъ въ настоящее время имѣетъ четыре зала, выросшихъ постепенно изъ одного, и тринадцать кабинетовъ, вмѣсто первоначальныхъ шести, т. е. за этотъ десятилѣтній промежутокъ помѣщеніе ресторана увеличилось болѣе чѣмъ вдвое.

И, вслѣдствіе непрекращающагося роста дѣла, на очереди стоитъ новое расширеніе помѣщенія „Вѣны", ибо опять чувствуется переполненіе ресторана, опять замѣчается тѣснота и всѣ связанныя съ нею неудобства.

День въ ресторанѣ.

Посѣтителямъ „Вѣны" приходится соприкасаться только съ парадной казовой стороной ресторана, гдѣ строго и отчетливо, какъ въ хорошо слаженной машинѣ, работаетъ каждая часть, но они не видятъ громадной подготовительной работы, производящейся въ ресторанѣ до прихода посѣтителей.

Ресторанъ открывается для публики въ 12 часовъ дня, когда начинаются въ немъ завтраки, рабочій же его день начинается значительно раньше. Въ 8 часовъ утра дежурные по кухнѣ приступаютъ къ уборкѣ и подготовленію ея къ предстоящей работѣ. Въ 9 часовъ приходятъ дежурные оффиціанты для уборки ресторана— залъ и кабинетовъ. Они провѣтриваютъ помѣщеніе, удаляютъ послѣдніе слѣды, оставшіеся отъ ужиновъ предыдущей ночи, убираютъ, чистятъ, моютъ и, наконецъ, накрываютъ столы къ завтраку. Къ 10 часамъ утра приходятъ повара. Къ этому времени кухня приведена уже дежурными въ полный порядокъ, помѣщеніе убрано, посуда перемыта, вычищена, плита въ полномъ ходу. Въ это же время—къ десяти часамъ—появляются поставщики съ различными продуктами: съ мясомъ, дичью, рыбой, зеленью, фруктами, молочными продуктами и т. д. Безпрерывной вереницей тянутся они въ отдѣленіе кухни, гдѣ происходитъ пріемка продуктовъ, и выкладываютъ принесенные ими продукты на большіе чисто вымытые, выскобленные столы или на вѣсы, для осмотра и пріемки ихъ самой хозяйкой, Татьяной Петровной Соколовой.

Ресторанъ „ВѢНА“. Кабинетъ № 3.

Ресторанъ „ВѢНА“. Телефонная.

Внимательно осматриваетъ она всѣ припасы, доставленные поставщиками, и при малѣйшемъ сомнѣнiи въ доброкачественности или свѣжести продукта безжалостно бракуетъ доставленное.

Это правило строго соблюдается въ ресторанѣ вотъ уже десять лѣтъ со дня открытiя его, и, исключительно благодаря этому, кухня „Вѣны" пользуется такою извѣстностью. Ивану Сергѣевичу и Татьянѣ Петровнѣ должны быть благодарны тѣ посѣтители, которые въ теченiи ряда лѣтъ посѣщаютъ ресторанъ изо дня въ день и, вопреки распространенному мнѣнiю о гибельности для здоровья рестораннаго стола, сохранили свои желудки вполнѣ здоровыми.

При прiемѣ провизiи всегда присутствуетъ старшiй поваръ, Василiй Ильичъ Алферовскiй, или его ближайшiй помощникъ, Александръ Васильевичъ Соколовъ, съ которыми всегда совѣтуется Татьяна Петровна и которые принимаютъ непосредственное участiе въ обсужденiи заказовъ, меню и во всей самой отвѣтственной части дѣятельности ресторана.

Во время прiемки провизiи отъ поставщиковъ заходитъ на кухню время отъ времени и Иванъ Сергѣевичъ, которому, конечно, принадлежитъ верховный надзоръ и главное руководительство надъ всей дѣятельностью ресторана во всемъ ея цѣломъ.

Одновременно съ прiемкой провизiи идетъ ея распредѣленiе по отдѣламъ кухни. Одно идетъ непосредственно къ поварамъ для немедленнаго употребленiя въ дѣло, другое идетъ въ кладовую, ледникъ или въ холодную кухню для раздѣлки къ обѣденному столу, нѣкоторые припасы, затребованные отъ поставщиковъ на всякiй случай, сносятся въ ледникъ или въ кладовую для сохраненiя до заказа соотвѣтствующаго блюда посѣтителемъ.

Кухня въ это время начинаетъ жить полною жизнью. Повара приступаютъ къ изготовленiю тѣхъ блюдъ изъ меню завтрака, которыя требуютъ для своего изготовленiя болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Въ одномъ углу у столовъ и у плиты работаютъ супники, въ другомъ плитчики, дальше холодники, жарковщики, яичники, зеленщики, кондитера. Тутъ же снуетъ цѣлая армiя кухонныхъ мальчиковъ и мужиковъ. Въ холодной кухнѣ, помѣщающейся этажемъ ниже, работаютъ пирожники, раскатываетъ тѣсто кондитеръ, другой сбиваетъ мороженое, сливки... Рядомъ въ отдѣльномъ помѣщенiи рыбаки подготовляютъ, „раздѣлываютъ" поступившую къ нимъ отъ поставщика рыбу... Въ кладовой идетъ развѣска и раздѣлка мяса и дичи.

Ресторанъ „ВѢНА“. Главная кухня.

Иванъ Сергѣевичъ въ это время въ ресторанѣ. Залы и кабинеты уже провѣтрены, выметены, прибраны. Все приведено въ порядокъ. Иванъ Сергѣевичъ внимательно осматриваетъ ресторанъ, не пропуская самыхъ незначительныхъ мелочей, отдаетъ распоряженія на предстоящій день, принимаетъ отчеты. Здѣсь же онъ обсуждаетъ заказы на завтра, принимаетъ поставщиковъ съ пробами и предложеніями товаровъ.

Въ 11 часовъ утра приходятъ оффиціанты, которые въ этотъ день должны работать въ ресторанѣ. Въ это же время появляются и управляющіе по ресторану, ближайшіе помощники Ивана Сергѣевича, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за порядкомъ и работой ресторана, пріемъ заказовъ, объясненіе съ посѣтителями. Ихъ трое: старшій управляющій — Рудольфъ Карловичъ Стажъ, и управляющіе— Иванъ Платоновичъ Острогинъ и Карлъ Христіановичъ Пуринъ.

Въ 12 часовъ дня открываются двери ресторана для публики. Ресторанъ начинаетъ жить полною жизнью.

Съ 12 часовъ и до 3 часовъ дня продолжаются завтраки. Къ тремъ часамъ наступаетъ нѣкоторое затишье. Въ это время на кухнѣ часть поваровъ отпускаетъ заказы посѣтителей, остальные приступили уже къ приготовленію кушаній для обѣда. Въ ресторанѣ быстро, на ходу, не замѣтно для публики, идетъ приготовленіе столиковъ для обѣдающихъ посѣтителей, которые начинаютъ появляться къ 3 часамъ дня. Обѣды тянутся пять часовъ—съ 3-хъ дня и до 8 часовъ вечера. Въ это время на кухнѣ бываетъ маленькая передышка. Обѣды приготовлены, время подготовки ужина еще не наступило. Въ 5 часовъ вечера снова появляются поставщики съ провизіей, заказанной имъ для ужина. Пріѣзжаетъ къ этому времени въ ресторанъ и Татьяна Петровна. На кухнѣ повторяется—хоть и въ меньшихъ размѣрахъ—та же сцена пріемки, какая происходила и утромъ. Съ 7 часовъ начинается подготовка ужиновъ. Къ этому времени ресторанъ затихаетъ. Въ 9 часовъ окончились обѣды, ужинать еще рано. Посѣтители, которые позже наполнятъ всѣ четыре зала ресторана, теперь разъѣхались по театрамъ, концертамъ, или къ знакомымъ на чашку чая... Половина персонала кухни тоже ушла домой до 11 вечера. Въ одиннадцать опять всѣ на мѣстахъ. Ресторанъ снова весь убранъ, вычищенъ, провѣтренъ. Столы накрыты заново. Съ 11 начинаетъ съѣзжаться публика, подходятъ постоянные посѣтители, прибываютъ бывшіе въ театрахъ. Къ 12-ти

Ресторанъ „ВѢНА“. Холодная кухня.

Ресторанъ „ВѢНА“. Сервированный закусочный столъ.

ресторанъ опять полонъ. И уже до 2—3-хъ часовъ ночи иногда нельзя бываетъ получить столика. Все заполнено.

Таково бѣглое описаніе обычнаго дня жизни „Вѣны“.

Смотря со стороны на быструю, точную, отчетливую дѣятельность всего рестораннаго персонала, трудно представить себѣ съ достаточной ясностью и полнотой всю величину работы, какая производится въ это время во всѣхъ отдѣленіяхъ ресторана. Каждому отдѣльному посѣтителю должны казаться небольшими тѣ услуги, какихъ онъ требуетъ лично для себя. Заказалъ,—подали, поѣлъ, расплатился, ушелъ. Такъ немного. Но если принять во вниманіе все количество посѣтителей, которое перебываетъ за день въ ресторанѣ и которыхъ доходило лѣтомъ до 500 завтракающихъ и 600 обѣдающихъ, не считая того, что многіе еще довольствуются закусками у буфета, то станетъ понятна та колоссальная работа, какая производится каждый день въ ресторанѣ, и то напряженіе, какое требуетъ она отъ руководителей ресторана и о какомъ мы говорили въ началѣ этой главы....

В. А. Тихоновъ, В. В. Андреевъ и Н. П. Мальскій.

Мы уже отмѣчали выше какимъ успѣхомъ, какою популярностью пользуется „Вѣна“ среди писателей, журналистовъ, актеровъ, художниковъ, музыкантовъ Петербурга. Конечно такая популярность ресторана въ мірѣ людей искусства и литературы создалась не сразу, а росла постепенно, расширяясь съ каждымъ годомъ. Первыми, положившими основаніе этой популярности среди перечисленныхъ выше круговъ были: писатель Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ (Мордвинъ), основатель „Великорусскаго оркестра“ Василій Васильевичъ Андреевъ и артистъ Малаго театра Николай Петровичъ Мальскій.

В. А. Тихоновъ.

Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ сталъ посѣтителемъ ресторана „Вѣна“ вскорѣ послѣ открытія ея въ 1903 году. До этого времени Владиміръ Алексѣевичъ бывалъ въ ресторанѣ Лейнера и хорошо зналъ служившихъ тамъ Ивана Сергѣевича Соколова и Михаила Феоктистовича Уткина, новыхъ хозяевъ „Вѣны“. Въ моментъ открытія „Вѣны“ В. А. Тихоновъ былъ заграницей и узналъ о новомъ ресторанѣ только по возвращеніи въ Петербургъ, найдя на своемъ письменномъ столѣ приглашеніе И. С. Соколова и М. Ф. Уткина почтить своимъ присутствіемъ открытіе ресторана, каковыя приглашенія новые хозяева „Вѣны“ передъ ея открытіемъ разослали своимъ знакомымъ посѣтителямъ Лейнера. В. А. Тихоновъ заѣхалъ съ женою Екатериной Владиміровной въ ресторанъ посмотрѣть. И первое же посѣщеніе склонило его симпатіи всецѣло на сторону новаго ресторана. Тонкій гастрономъ, знатокъ европейской кухни, Владиміръ Алексѣевичъ, какъ никто другой, смогъ оцѣнить прекрасную кухню „Вѣны“.

— Мнѣ подали въ тотъ вечеръ сосиски,—вспоминаетъ теперь Владиміръ Алексѣевичъ:—И хотя я только что вернулся изъ заграницы, гдѣ былъ между прочимъ въ Франкфуртѣ, сосиски „Вѣны“ оказались лучше знаменитыхъ франкфуртскихъ сосисекъ!..

Всегда внимательный къ людямъ, съ которыми сталкиваетъ его судьба, Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ сталъ распрашивать Ивана Сергѣевича Соколова о томъ, какъ идутъ дѣла новаго ресторана. Узнавъ, что завтраки и обѣды въ „Вѣнѣ“ пошли хорошо, но что по вечерамъ

ресторанъ все еще пустуетъ, Владиміръ Алексѣевичъ рѣшилъ придти на помощь молодому дѣлу.

Во первыхъ, онъ посовѣтовалъ Ивану Сергѣевичу завести у себя, входившія тогда въ ресторанный обиходъ заграницей, „дежурныя блюда“, назначивъ на каждый день недѣли по вечерамъ по одному такому блюду, которыя вызовутъ требованія среди широкой публики и которыя къ тому же нельзя было бы заказать отдѣльной порціей, приготовленіе которыхъ имѣетъ смыслъ и значеніе только при массовомъ заготовленіи. Во вторыхъ, Владиміръ Алексѣевичъ посовѣтовалъ Ивану Сергѣевичу держать у себя ходкія, любимыя публикой настоящія заграничныя легкія вина, какъ Кіанти, и сообщилъ Ивану Сергѣевичу вывезенный имъ изъ заграницы рецептъ холоднаго пунша со льдомъ, получившаго впослѣдствіи названіе „Вѣнскаго пунша“. Кромѣ того Владиміръ Алексѣевичъ перенесъ въ „Вѣну“ свои журфиксы и сталъ приглашать бывавшихъ у него многочисленныхъ представителей литературнаго, артистическаго, художественнаго и музыкальнаго міра по средамъ въ „Вѣну“. Разъ въ недѣлю, по средамъ, „Вѣна“ была обезпечена вечерними посѣтителями. Многіе изъ этихъ лицъ, побывавъ разъ на журфиксахъ Владиміра Алексѣевича, оставались потомъ постоянными посѣтителями „Вѣны“, привлекая и своихъ знакомыхъ. Такъ ознакомился съ „Вѣной“ и сталъ бывать въ ней со своими друзьями и В. В. Андреевъ. Журфиксы В. А. Тихонова въ „Вѣнѣ“ продолжались около года, до лѣта 1904 года, когда Владиміръ Алексѣевичъ снова уѣхалъ заграницу, и журфиксы въ „Вѣнѣ“ прекратились. Но ресторанъ уже окрѣпъ къ тому времени и заручился прочными симпатіями широкой публики.

В. В. Андреевъ.

Василій Васильевичъ Андреевъ, основатель и руководитель извѣстнаго „Великорусскаго оркестра“ познакомился съ „Вѣной“ на первомъ же журфиксѣ В. А. Тихонова.

Ему понравилась строгая приличная атмосфера семейнаго ресторана, какая уже въ ту пору воцарилась въ „Вѣнѣ“, ея кухня, внимательное предупредительное отношеніе къ посѣтителямъ ресторанной администраціи, и онъ рѣшилъ перейти въ „Вѣну“ изъ ресторана Лейнера, посѣтителемъ котораго онъ былъ передъ этимъ.

В. А. Тихоновъ. „ВѢНА“.

Къ тому времени извѣстность В. В. Андреева, какъ создателя и вдохновителя „Великорусскаго оркестра“ достигла уже полнаго расцвѣта. Дѣло, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, побѣдило равнодушіе публики и завоевало симпатіи широкихъ общественныхъ круговъ. Все это вмѣстѣ съ личными качествами Андреева способствовало тому, что вслѣдъ за его переходомъ изъ ресторана Лейнера во вновь возникшую „Вѣну“ перешли сюда и многіе другіе: сначала его ближайшіе друзья, помощники въ дѣлѣ созданія „Великорусскаго оркестра“, затѣмъ хорошіе знакомые, почитатели его таланта, а тамъ потянулись сюда же многочисленные музыкальные дѣятели, а также артисты, среди которыхъ однимъ изъ первыхъ явился артистъ Малаго театра Н. П. Мальскій.

Н. П. Мальскій.

Николай Петровичъ Мальскій—талантливый артистъ, неподражаемый разсказчикъ и имитаторъ—былъ всегда душою того общества, въ которомъ появлялся. Брызжущій весельемъ, искрящимися шутками, начиненный остроумными разсказами и пародіями, живой, отзывчивый, Николай Петровичъ Мальскій заражалъ своимъ весельемъ и другихъ. Побыть вечеръ съ Мальскимъ—значило помнить объ этомъ вечерѣ долго, вспоминать о немъ съ улыбкой и пытаться повторить встрѣчу съ нимъ.

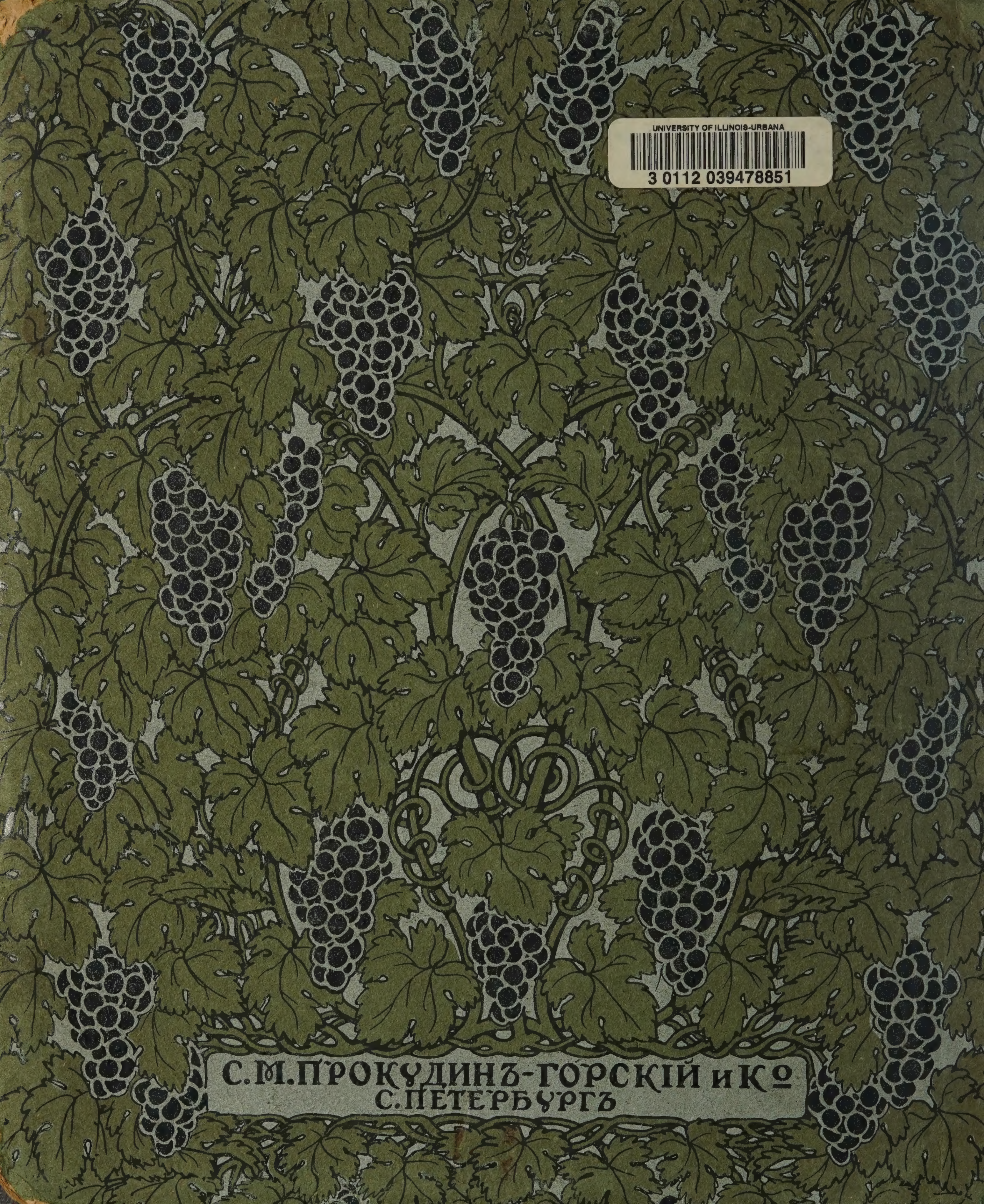
Понятно поэтому, что появленіе Николая Петровича Мальскаго въ „Вѣнѣ“ стянуло въ „Вѣну“ много посѣтителей. Многихъ привозилъ непосредственно и самъ Николай Петровичъ, многимъ назначалъ здѣсь свиданія. „Вѣна“ въ теченіе долгаго времени была его штабъ-квартирой, куда онъ заглядывалъ ежедневно и днемъ, и по вечерамъ между театромъ, или выступленіемъ на концертной эстрадѣ, или клубомъ. Ведя разсѣянную жизнь настоящаго представителя богемы, Николай Петровичъ нуждался въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть среди знакомой ему, сочувственной, внимательной атмосферы. А такую атмосферу, уютъ и вниманіе давала ему „Вѣна“. За Мальскимъ перешли въ „Вѣну“ и стали постоянными посѣтителями ея и другіе представители артистическаго и журнальнаго міра, среди которыхъ у него много было друзей.

Эти вотъ трое первыхъ друзей „Вѣны“—Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ, Василій Васильевичъ Андреевъ и Николай Петровичъ Мальскій—положили прочное основаніе широкой извѣстности молодого ресторана.

Издатель крайне сожалѣетъ, что лишенъ возможности воспроизвести и другіе интересные плакаты изъ коллекціи „Вѣны“, потому что это увеличило бы почти вдвое размѣры настоящаго сборника.

Т И П.
ЯКОРЬ
М
Д
С · П · Б

С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКІЙ и Ко
С. ПЕТЕРБУРГЪ